

231204

31204

ЕДИНСТВО ГИПНОТИЗМА

У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

РѢЧЬ

проф. В. Я. Данилевскаго,

произнесенная на общемъ собраніи IV-го Съезда Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, 3-го Января 1891 года ¹⁾.

231204

¹⁾ Въ сокращенномъ видѣ эта рѣчь была напечатана въ „Дневникѣ“ Съезда.

18942

14 15
„Физиологическій Сборникъ
Проф. А. Я. Данил
въ Императорско

Второй томъ п

Проф. А. Я. Данилевскій. С
организмовъ. 1886.

Проф. В. Я. Данилевскій. С
Цѣна 1 руб. с.

Его же.—Исслѣдова
ви. Часть
табл. рис.

231204

8/12
22/11

G12.821.7

Мм. Гь.

Лѣтъ 10—15 тому назадъ не только писать о животномъ магнитизмѣ или гипнотизмѣ, но даже и серьезно лишь говорить объ немъ многими считалось дѣломъ, недостойнымъ ученаго специалиста. Теперь же мы насчитываемъ уже цѣлыя сотни научныхъ сочиненій, написанныхъ по тому же вопросу; существуетъ рядъ научныхъ журналовъ, специально посвященныхъ гипнотизму; число физиологовъ и врачей, признающихъ уже его право гражданства въ наукѣ, увеличивается чуть не съ каждымъ днемъ. Причина такого быстрого поворота заключается въ томъ, что строго научное изслѣдованіе нашло много вѣрнаго и интереснаго въ тѣхъ явленіяхъ, которыя еще не такъ давно составляли содержаніе лишь публичныхъ представленій „магнитизеровъ“, или же которыя дѣлались орудіемъ „чудодѣйственнаго“ лѣченія въ рукахъ рѣдкихъ, въ своемъ родѣ отважныхъ, убѣжденныхъ врачей. Общество несомнѣнно относилось съ большимъ интересомъ и любопытствомъ и къ тѣмъ, и къ другимъ; но, понятно, къ этому примѣшивалась значительная доля недовѣрія.

Чѣмъ болѣе обширной представлялась сфера гипнотизма, чѣмъ болѣе сложными и загадочными казались его дѣйствія, тѣмъ все настойчивѣе требовался безпристрастный контроль науки. Лица, признававшія существованіе животнаго или жизненнаго магнитизма, утверждали, что особая „сила“ его принимаетъ участіе даже въ явленіяхъ обыденной жизни человѣка, именно въ тѣхъ случаяхъ, которые обыкновенно приписываются вмѣшательству магическихъ вліяній, какихъ-то сверхъестественныхъ силъ... Наукѣ такимъ образомъ предстояла трудная задача—сорвать мистическую завѣсу съ этихъ явленій, установить ихъ опредѣленные формы, распознать законы ихъ—и всѣмъ этимъ освободить человѣчество отъ многихъ предрасудковъ и суевѣрій. Эта задача теперь дѣятельно разрѣшается и разрѣшается удачно съ надеждой на полный успѣхъ. Труженикамъ науки нечего смущаться, если на пути къ отысканію истины они встрѣчаютъ призраки и фантазмы, созданные мыслью и воображеніемъ человѣка и несоотвѣтствующіе дѣйствительности. Эти свѣточы ярко освѣщаютъ путь, по которому не слѣдуетъ

идти... Строгое отношеніе къ фактамъ, безпощадная провѣрка наблюденій, возможно полное устраненіе субъективизма, безпристрастная критика всего видѣннаго и слышаннаго—таковы основныя требованія научной работы. Правда, для людей, одаренныхъ своего рода научнымъ ясновидѣніемъ, нѣтъ надобности въ такой кропотливой мелочной работѣ; ихъ свѣтлый взглядъ глубоко пронизываетъ туманную даль неизвѣданнаго, и въ этомъ хаосѣ они различаютъ истинное отъ ложнаго... Но научная критика неумолима: и отъ генія она требуетъ доказательствъ вѣрности его выводовъ и доказательствъ, очевидныхъ, ясныхъ для всѣхъ... Въ данномъ случаѣ такія строгія требованія тѣмъ болѣе оправдываются, что вѣдь рѣчь идетъ не о какомъ либо частномъ положеніи или законѣ, а о цѣломъ міровоззрѣніи человѣка, объ основныхъ убѣжденіяхъ его ума.

Сознательное признаніе господства Закона въ природѣ есть уже признакъ высокаго развитія человѣка. Оно достигается или непосредственнымъ изученіемъ явленій природы, или же путемъ, такъ сказать, внутреннего созерцанія. Во второмъ случаѣ это убѣжденіе есть плодъ философской мысли, умозрѣнія; въ первомъ-же оно возникаетъ логически неизбежно изъ данныхъ науки. Черезъ всю исторію человѣческой культуры проходитъ ясно борьба Закона съ невѣжествомъ, произволомъ, мистицизмомъ. Если уже и въ обыденной нашей жизни мы все болѣе и болѣе проникаемся убѣжденіемъ, что явленія нашей и внѣшней, и внутренней жизни подчинены закону; если въ этомъ сознаніи мы находимъ истинный критерій нашего развитія, то этимъ всецѣло мы обязаны вліянію науки. Правильность и закономерность—таковы свойства, прежде всего вызывающія къ себѣ довѣріе. Совершенно противоположное встрѣчаемъ мы въ области мистицизма, магическихъ, чудодѣйственныхъ вліяній, которыя всегда возбуждали и возбуждаютъ къ себѣ чувства не довѣрія и успокоенія, но напротивъ страха и ожиданія чего-то неизвѣстнаго, непріятнаго. Разъясненіе этого даетъ намъ исторія мистицизма. Она показываетъ намъ, что господство такихъ воззрѣній неизбежно вызываетъ угнетеніе свободной мысли и воли человѣка; что подъ такимъ гнетомъ, умственнымъ и нравственнымъ, сознательное стремленіе къ истинѣ и добру ослабѣваетъ; самодѣтельность человѣка, его личная инициатива угнетена.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, постепенно развиваясь, сталъ сознавать себя, какъ существо, одаренное познавательными способностями; съ тѣхъ поръ, какъ пытливый духъ его сталъ сознательно комбинировать внѣшнія воспріятія съ элементами пробуждавшейся субъективности,—съ того времени появились и первыя формы мистическихъ воззрѣній.

Природныя явленія, окружавшія первобытнаго человѣка, давали обширный матеріалъ для представленій чего то таинственнаго, могучаго,

лежавшаго виѣ сферы ближайшаго познаванія и его воздѣйствія. Рѣзкія нарушенія обычнаго хода виѣшнихъ природныхъ явленій — гроза, бури, землетрясеніе, затменія, метеоры, наводненія и т. п. дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ. Его противодѣйствіе, самозащита, его пониманіе становились безсильными. Даже и обычныя явленія, напримѣръ, движеніе солнца, луны, завываніе вѣтра и др. производили отчасти такое-же дѣйствіе на первобытнаго дикаря. Наконецъ, его личное существованіе, внутренняя жизнь самаго человека представляли подобныя-же явленія, передъ которыми и мысль, и воля его отказывали ему въ своей помощи. Подобное вліяніе производили, а у большинства производятъ и теперь, явленія сна, сновидѣній, экстаза, болѣзни, лунатизма, сумасшествія, летаргій, смерти и т. п.

Въ душѣ человека сохранялись слѣды этихъ вліяній въ видѣ не связной мысли или пониманія, но въ видѣ образныхъ представленій, образовъ фантазій. Воображеніе олицетворяло въ той или другой формѣ то, что мысль не въ состояніи была понять, анализировать, то, что такъ сильно подѣйствовало на чувственную сферу человека. Преобладаніе послѣдней, въ первобытной ступени его развитія, представляло собою необходимую почву мистицизма, на которой такъ легко развивались всевозможныя иллюзіи и заблужденія.

Въ своемъ воображеніи человекъ переносилъ элементы своей субъективной природы на наблюдаемые имъ предметы, на явленія магическихъ силъ; онъ антропоморфизировалъ ихъ. Вотъ почему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ въ представленіяхъ о сверхъестественномъ мы встречаемъ, какъ прототипъ — самаго человека съ его свойствами и дѣйствіями. „Человекъ есть мѣрило всѣхъ вещей“! Оно и понятно: наука точно показала, что виѣшний міръ мы знаемъ въ такомъ лишь видѣ, въ какомъ онъ познается помощью нашихъ воспринимающихъ орудій — органовъ чувствъ. Свойства образа, отражаемаго отъ какого нибудь предмета зеркаломъ, зависятъ не только отъ самого предмета, но также и отъ свойствъ зеркала: будетъ-ли оно выпуклымъ, вогнутымъ, плоскимъ и т. п. Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ парадоксальнымъ положеніемъ: „не будь глаза, и солнце не свѣтило-бы“! Въ виду этого становится понятнымъ, почему въ формахъ мистическихъ воззрѣній человека во всѣ времена вѣрно отражается весь внутренній міръ его, степень его умственного и нравственного развитія. По мѣрѣ хода прогресса и формы мистицизма постепенно уклонялись отъ своего первичнаго теологическаго характера и воспринимали характерныя черты данной эпохи и умственной жизни человѣческаго общества. Чѣмъ ниже былъ уровень положительнаго знанія, чѣмъ слабѣе было убѣжденіе въ существованіи законовъ природы, тѣмъ легче распространялись и усваивались свѣдѣнія о магическихъ, чародѣйныхъ силахъ, о демониче-

скихъ вліяніяхъ, которыя по самой своей сущности являлись вопіющимъ противорѣчіемъ законамъ природы. Впослѣдствіи развитіе критической мысли рядомъ съ могучимъ прогрессомъ естествознанія постепенно освобождали человѣческій умъ отъ магіи, некромантіи и т. п., и мистицизмъ, какъ общее міровоззрѣніе, основанное на чувствахъ и воображеніи, въ наше время, постепенно уже утрачиваетъ свое самостоятельное существованіе. Но пока человѣку приходится встрѣчаться со сложными и загадочными явленіями, пока стремленія его къ раскрытію тайнъ природы превышаютъ его силы и средства, до тѣхъ поръ его чувства и воображеніе будутъ вліять на его мысль, до тѣхъ поръ и мистическій элементъ останется неизбѣжнымъ спутникомъ его мудрствованій. Поэтому неудивительно, если даже и въ сферѣ научнаго мышленія намъ приходится встрѣчаться съ формами утонченнаго или замаскированнаго мистицизма.

Содержаніе первобытнаго мистицизма не изгладилось и до сихъ поръ. Кромѣ чисто теософическаго элемента, оно осталось въ видѣ вѣрованія въ магическія силы, въ воздѣйствіе небесныхъ свѣтилъ на человѣка, въ чародѣйныя силы и самого его и т. п. Такое суевѣріе въ особенности упорно держится, понятно, у тѣхъ, кого еще такъ мало коснулся умственный прогрессъ. Стоитъ лишь припомнить тормозящее вредное вліяніе подобныхъ предразсудковъ и суевѣрій на развитіе нравственныхъ, умственныхъ и экономическихъ силъ отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, чтобы понять великую заслугу научнаго образованія. Суевѣрія и неизбѣжный ихъ спутникъ, *ложный страхъ*, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на сознательную духовную жизнь человѣка. Естественнымъ противовѣсомъ ихъ является—*знаніе*! Никакая культура немислима безъ поднятія уровня духовнаго міра человѣка, безъ освобожденія его отъ рабства, умственнаго и нравственнаго! Суевѣрный человѣкъ есть рабъ собственнаго невѣжества! Онъ приписываетъ случайнымъ явленіямъ, неодушевленнымъ предметамъ или своему же собрату—человѣку тайныя „чародѣйныя“ силы; способность колдовать, наводить болѣзни, сила дурнаго взгляда,—все это рѣзко отличаетъ человѣка, одареннаго магическими силами, отъ обыкновеннаго смертнаго. Эти силы представляются мистикѣ не въ видѣ еще неразслѣдованной, еще пока неузнанной силы, но въ видѣ чего то непознаваемаго, непостижимаго, *устрашающаго*! Въ этомъ то и состоитъ характеръ „сверхъестественнаго“: оно не поддается ни умственной, ни физической силѣ человѣка, для него нѣтъ „космическихъ законовъ“!

Нужно однако сознаться, что далеко не всѣ смотрятъ такъ безотрадно на „сверхъестественное“, не всѣ считаютъ его противорѣчіемъ законамъ природы. Уже св. Августинъ сказалъ, что чудеса противорѣчатъ не природѣ, но только тому, что намъ пока извѣстно о природѣ

(Portentum ergo fit non contra naturam, sed contra quam est nota natura. De civitate Dei. XXI).

Къ разряду магическихъ дѣйствій относили и тѣ факты, которые разсматриваютъ, какъ проявленія такъ называемаго животнаго магнитизма или сродныхъ ему состояній. Исторія культуры показываетъ, что прежде имъ придавали теософическій характеръ. Таковы, напримѣръ, гаданія, общенія человѣка съ другимъ невидимымъ міромъ, случаи ясновидѣній, вѣра въ магическую силу талисмановъ, заклинанія и т. п. Такіе рассказы и вѣрованія мы встрѣчаемъ и въ глубокой древности. Напримѣръ объ исцѣляющей силѣ возложенія рукъ впервые стало извѣстно относительно халдейскихъ жрецовъ и браминовъ. Древніе греки и египтяне знали о благотворномъ вліяніи на больныхъ прикосновенія руки; римскіе писатели, напримѣръ, *Марціалъ*, *Апулей*, *Плавтъ*, *Априппа* и др. знали о возможности усыпить человѣка однимъ лишь прикосновеніемъ рукою, что обыкновенно въ тѣ времена сопровождалось заклинаніями. Плутархъ рассказываетъ, что царь *Пирръ* обладалъ способностью погружать людей въ глубокій сонъ, прикасаясь лишь своей ногой! Исцѣляющую силу приписывали норвежскому королю Олафу II и даже его трупъ; затѣмъ за королями Англіи и Франціи признавали специальную способность прикосновеніемъ исцѣлять зобъ, отсюда и изрѣченіе „Le Roi te touche que Dieu te guérisse“! Знаменитымъ врачамъ—мистикамъ *Парацельзу* и *Ванъ-Гельмонту* были также извѣстны способы искусственнаго вызыванія сомнамбулизма человѣка. Къ явленіямъ, сроднымъ животному магнитизму, относятся предсказанія маговъ, жрецовъ, которые, въ состояніи искусственно вызваннаго экстаза, отрѣшались отъ сего міра, входили въ общеніе съ міромъ невидимыхъ духовъ. Способность предсказанія и ясновидѣнія въ древности практически примѣнялась, напримѣръ, въ греческихъ храмахъ (Пифійская жрица, др. оракулы). Замѣчательно однако, что уже въ тѣ времена появлялись такіе непредубѣжденные умы, какъ *Аристотель*, *Гераклитъ*, которые объясняли эти предсказанія не магическимъ наптіемъ свыше, но особеннымъ *бользненнымъ* состояніемъ, въ которомъ духъ человѣка можетъ *самостоятельно* предвидѣть и прорицать.

Чтобы вызвать подобныя состоянія экстаза и сомнамбулизма съ извращеніемъ сознанія и разгоряченнымъ воображеніемъ, уже въ древности примѣнялись, да и теперь примѣняются, способы, несомнѣнно принадлежащіе гипнотизму, или что тоже животному магнитизму. Такъ напримѣръ, индійскіе факіры долгое время пристально смотрятъ на кончикъ своего носа. Глубокомысленно погруженный въ такое занятіе, факиръ постепенно становится нечувствительнымъ ко всему окружающему, отрѣшается отъ сего міра и входитъ въ единеніе съ божествомъ, „сливается съ Брамию“. Въ этомъ блаженномъ состояніи Нирваны мы ясно

узнаемъ результатъ удачнаго гипнотическаго сна. Тѣ-же факиры—сектанты Йогны путемъ постепеннаго приученія себя къ различнымъ лишеніямъ, посту, къ неестественнымъ положеніямъ тѣла, къ задержанію дыханія и т. п. могутъ произвольно довести себя до состоянія кажущейся смерти: мускулы разслаблены; не слышно ни сердцебіенія, ни дыханія; температура тѣла понижается, кожа нечувствительна—ее можно колоть, рѣзать; факиръ не подаетъ и признака жизни, онъ ничего не чувствуетъ, летаргія не прекращается, душа факира „слилась съ божествомъ“. Въ этомъ видимо безжизненномъ состояніи факира можно зашить въ мѣшокъ, зарыть въ землю и, если черезъ нѣкоторое, заранее условленное время—дни и недѣли—его снова вырыть изъ могилы, то онъ постепенно оживаетъ. Въ этомъ случаѣ, не разъ фактически подтвержденномъ достовѣрными свидѣтелями-очевидцами, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ гипнотическимъ состояніемъ, постепенно переходящимъ въ летаргическій сонъ, аналогичный, въ данномъ случаѣ, зимней спячкѣ нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ.

Далѣе рассказываютъ, что для того, чтобы достичь состоянія экстаза, древніе египетскіе жрецы заставляли долгое время пристально смотрѣть на какіе-то кабалистическіе знаки, начертанные на днѣ блестящаго металлическаго блюда. Понятно, этотъ пріемъ сопровождается различными религіозными церемоніями, которымъ то народъ и приписывалъ главное значеніе. Въ подобное-же состояніе, сродное лунатизму и экстазу, приводили себя древніе Друзиды и Альруны, сосредоточенно прислушиваясь къ шуму священныхъ деревьевъ и журчанію ручья; дельфійскіе оракулы—вдыханіемъ какихъ-то наркотическихъ газовъ, паровъ; шаманы и вертящіеся дервиши—быстрымъ круженіемъ на одномъ мѣстѣ; нѣкоторые магометанскіе и индусскіе сектанты—опьяняющимъ дѣйствіемъ гашиша и т. п.; въ Бирманѣ колдуньи, чтобы получить даръ прорицанія, долгое время напряженно смотрятъ на блестящую мѣдную чашку; чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время они приходятъ въ экстазъ, восторженное изступленіе и начинаютъ предрекать. Извѣстный средневѣковый мистикъ *Яковъ Бемъ* приводилъ себя въ восторженное состояніе, пристально глядя на оловянный сосудъ. Невольно вспоминается при этомъ практикуемый и у насъ способъ гаданія въ зеркалѣ, сопровождаемый развуданнымъ воображеніемъ, иллюзіями и галлюцинаціями, способъ, который вполне относится къ гипнотическимъ пріемамъ.

Явленія общенія съ невидимымъ міромъ духовъ, которые съ такой поразительной рельефностью были описаны знаменитымъ духовидцемъ *Эм. Сведенборгомъ* (въ прошломъ столѣтіи), принадлежатъ опять-таки къ этой же группѣ гипнотическихъ состояній. Тоже самое нужно сказать о сновидѣніяхъ другаго знаменитаго мистика и ясновидящаго *Ж. Кор-*

дануса, который—по его словам—по произволу могъ приходить въ экстазъ, при чемъ чувствовалъ, какъ его душа отходила изъ тѣла, отдѣляясь отъ сердца и отправляясь путешествовать въ міръ духовъ! Какъ видно, въ этомъ отношеніи *Корданусъ* не далеко ушелъ впередъ отъ возрѣвнѣй дикарей, напримѣръ *гренландцевъ*, *сѣверо-американскихъ индѣйцевъ*, *фиджійцевъ*, *новозеландцевъ* и др., которые твердо вѣрятъ, что даже во время *обыкновеннаго* сна душа покидаетъ тѣло, отправляется въ свои собственныя странствованія, и что сновидѣнія суть тѣ предметы и событія, которые духъ спящаго видитъ и переживаетъ въ своихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту. Лунатики, встрѣчающіеся и между дикарями, своимъ снохожденіемъ, дѣйствіями, своею забывчивостью послѣ пробужденія еще болѣе укрѣпляютъ вѣру человека въ самостоятельность духа, а отсюда и въ магическія силы и вліянія.

Въ настоящемъ столѣтіи выработаны путемъ долгихъ изслѣдованій и наблюденій гипнотическіе приемы „магнитизированія“—фиксация взгляда, сосредоточиваніе вниманія и мысли, которые уже давно практикуются у дикарей.—Такъ напримѣръ у *Тукулоровъ* (въ Африкѣ) жрецъ кладетъ большіе пальцы рукъ за ушами усыпимаго и, удерживая его голову, заставляетъ пристально и долго смотрѣть себѣ въ глаза. Черезъ нѣкоторое время, вѣроятно, минутъ 10—20 послѣдній погружается въ глубокой гипнотическій сонъ и остается въ полной власти жреца. Ниже мы увидимъ, что въ такомъ состояніи магнитическаго сна спящій дѣлается вполне пассивнымъ автоматомъ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго, опытнаго магнитизера, который, по желанію, можетъ заставить его воображать, говорить, дѣлать все, что ему, магнитизеру, угодно. Собственное желаніе и воля гипнотики исчезаютъ, онъ отчасти или вполне теряетъ самосознаніе и не можетъ, повидимому, ни отдавать себѣ отчета, ни, стало быть, контролировать свои поступки. Онъ вполне подчиняется магнитизеру, который и внушаетъ ему свои желанія, возбуждаетъ и направляетъ его разгоряченное воображеніе въ любой формѣ: онъ переноситъ усыпленнаго на небо, на луну, заставляетъ его сражаться съ невидимымъ врагомъ, вызываетъ въ немъ сверхъестественные образы, внушеніемъ извѣстныхъ идей, приводитъ его въ состояніе блаженства, счастья или наоборотъ возбуждаетъ въ немъ тоску, горе, отчаяніе, и покорный этимъ внушеніямъ спящій все это видитъ, дѣлаетъ, говоритъ, какъ-бы съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ увѣренный въ дѣйствительномъ существованіи всего внушеннаго ему гипнотизеромъ.

Не менѣе загадочными и необыкновенными кажутся и явленія экстаза, наблюдаемыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ въ видѣ „глубокаго сосредоточеннаго созерцанія“ (напр. у *Сократа*), или въ видѣ восторженнаго изступленія. Въ обоихъ случаяхъ экстастики, какъ-бы отрѣшается отъ внѣшняго міра, ничего не чувствуетъ, не слышитъ и не

видить. Понятно, для некритическаго ума все это представляется результатомъ магическихъ дѣйствій. Это еще болѣе подтверждалось тѣмъ, что во время экстаза происходятъ галлюцинаціи; экстатику чудятся сверхъестественныя видѣнія, демоническія существа, о которыхъ, придя въ себя, духовидецъ, нерѣдко сохраняетъ воспоминанія и рассказываетъ, какъ о чудесахъ.

Въ виду подобнаго состоянія гипнотиковъ и экстатиковъ, въ виду подобнаго могущества жрецовъ, волхвовъ-магнитизеровъ легко понять и объяснить громадное вліяніе подобныхъ лицъ и вызываемыхъ ими явленій на массу, на народъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Страхъ и невѣжество суть главные опоры умственнаго и нравственнаго рабства! Нуженъ трезвый критическій умъ, свѣтлый здравый смыслъ, чтобы съ помощью суроваго анализа науки отрѣшиться отъ суевѣрій и предрасудковъ, невольно навѣваемыхъ фактами, подобными вышеприведеннымъ. Масса проникалась вѣрованіемъ въ магическія силы, и даже такіе могучіе умы, какъ *Паскаль*, *Кеплеръ*, *Томазіусъ*, *Гуго Гроціусъ*, *Шопенгауеръ* и другіе не могли освободиться отъ мистическихъ воззрѣній своего времени. Мистическія воззрѣнія въ той или другой формѣ проникали и въ сферу науки не только въ старыя времена, но и въ болѣе новыя. Мы находимъ въ ней ученія или воззрѣнія, занесенныя въ нее изъ демонологіи, астрологіи, хиромантіи, магіи и т. п. Слѣды мистицизма замѣчаются даже въ новѣйшей наукѣ, если не по содержанію, то по крайней мѣрѣ съ формальной стороны.

Само собою понятно, что каждый разъ при встрѣчѣ съ загадочными явленіями, человѣкъ стремился инстинктивно къ объясненію явленія. „Какъ это объяснить“? Таковъ вопросъ, который прежде всего слышится,—даже прежде, чѣмъ точно установлены будутъ самые факты. Въ этомъ случаѣ обыкновенно болѣе простые вопросы и задачи оставляютъ въ сторонѣ; обычная, строгая послѣдовательность разрѣшаемыхъ задачъ нарушается. Но необходимо помнить, что могучее движеніе науки впередъ должно идти въ той правильной равномѣрности въ ея различныхъ отдѣлахъ, которую мы въ правѣ представлять себѣ, какъ гармонію человѣческихъ познаній вообще. Логическая связь задачъ и вопросовъ науки устанавливаетъ строгую систематичность, придаетъ всему движенію характеръ научности. Тоже относится и къ параллельному развитію методики науки, къ развитію продуктивной силы ея. Подобное же гармоническое соотвѣтствіе должно существовать и у каждаго отдѣльнаго человѣка, въ его умственной и нравственной жизни, соотвѣтствіе между его стремленіями и между его духовными силами. А между тѣмъ, какъ часто противорѣчитъ этому основному требованію проза жизни! Въ исторіи науки мы встрѣчаемъ подобныя-же аномаліи въ послѣдовательности разрѣшаемыхъ задачъ. Тѣмъ не менѣе подобное укло-

неніе съ правильного пути умственного прогресса представляет лишь сравнительно кратковременныя аномаліи.

Придетъ время, когда наука въ своемъ неудержимомъ могучемъ стремленіи впередъ овладѣетъ и изучитъ всѣ явленія, совершающіяся передъ человекомъ и въ немъ самомъ. Ученый, будь онъ „цеховой или свободный“, стоитъ теперь передъ нѣкоторыми, пока еще неразъясненными, еще даже непризнанными явленіями безъ всякой боязни, безъ какой либо паники... Откровенное признаніе въ непониманіи ихъ никомъ образомъ не можетъ унижить его и не введетъ въ заблужденіе ни его, ни окружающихъ. Историческое развитіе науки, какъ систематическаго знанія, даетъ ему увѣренность, что наука неудержимо идетъ и будетъ идти впередъ, что прогрессъ знанія есть такое-же естественное роковое явленіе, какъ и стремленіе человека жить и мыслить!...

Ученіе о животномъ магнитизмѣ или гипнотизмѣ представляет собою одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи человѣческаго знанія. Здѣсь всего лучше можно прослѣдить—какимъ образомъ знанія и мысль постепенно освобождались въ этой области отъ мистицизма и суевѣрія; какимъ образомъ вѣрные факты, скрытые подъ покровомъ таинственности и чудодѣйственности, дѣлались достояніемъ науки. Рядомъ съ астрологіей, алхиміей и животный магнитизмъ принесъ несомнѣнную пользу прогрессу науки. Насколько первые способствовали развитію химіи и астрономіи, настолько же послѣдній оказывается предметомъ для *экспериментальной психологіи*.

Было время и не такъ давно, когда явленія животнаго магнитизма не признавались, осмѣивались, считались результатомъ суевѣрія, шарлатанства, мистицизма и т. п. Но прошли года, и ученые, какъ врачъ *Брэдъ*, физиологи *Рише*, *Гайденайнъ* и другіе сорвали мистическій покровъ съ гипнотизма, установили естественныя формы и условія его явленій, разрушили вѣру въ какую то таинственную „магнитическую силу“ человека, — однимъ словомъ сдѣлали животный магнитизмъ доступнымъ научному изученію.

Физиологія, психологія и медицина обладаютъ въ настоящее время достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и методовъ, чтобы, не пугаясь сложности и загадочности явленій животнаго магнитизма, приступить къ его систематическому изученію. И несомнѣнно послѣднее обѣщаетъ дать блестящіе результаты и драгоцѣнную помощь въ дѣлѣ познанія вообще душевной жизни человека. Но этого мало, наука еще обладаетъ однимъ драгоцѣннымъ методомъ — сравнительнымъ, по принципу котораго сначала слѣдуетъ изучить гипнотизмъ, являющійся въ болѣе про-

стой формѣ у низшихъ животныхъ, затѣмъ, у высшихъ животныхъ, у которыхъ гипнозъ сложнѣе и, наконецъ, перейти къ человѣку. Научный принципъ—отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному вполне примѣнимъ и въ настоящемъ случаѣ.

Главная цѣль настоящей нашей бесѣды заключается въ томъ, чтобы путемъ сопоставленія явленій гипнотизма у человѣка и животныхъ, показать *органическое родство всѣхъ этихъ явленій между собою по происхожденію и по основнымъ симптомамъ. Единство гипнотизма*—такова задача сравнительной психологіи, которая, по моему глубокому убѣжденію, должна быть уже теперь разрѣшена въ положительномъ смыслѣ. До сихъ поръ еще даже наиболѣе авторитетные знатоки гипнотизма признаютъ, что эти явленія присущи только человѣческой душѣ и что животный гипнозъ не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ. Подобный неправильный выводъ является неправильнымъ результатомъ излишняго сосредоточенія на одномъ лишь объектѣ—человѣкѣ. Такое рѣзкое разграниченіе душевныхъ явленій постепенно уже теряетъ почву. Придетъ скоро время, когда такое воззрѣніе будутъ называть *мистическимъ*.

Для того, чтобы дать болѣе полную картину постепеннаго завоеванія науки въ этой области, мнѣ кажется будетъ не лишнимъ начать исторію этого вопроса издавна—съ конца прошлаго столѣтія, когда *Месмеръ* систематически изучилъ явленія животного магнетизма и далъ ему форму стройнаго ученія. Вначалѣ онъ занимался изслѣдованіемъ вліянія планетъ на человѣка, а затѣмъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ минеральныхъ магнитовъ на больныхъ. Но уже вскорѣ онъ бросилъ ихъ и началъ лѣчить просто *прикосновеніемъ* своихъ рукъ, что оказывало совершенно такое же благотворное дѣйствіе. Отсюда и возникло у него убѣжденіе въ существованіи особенной силы: *жизненно или животнo-магнитической*, которая подъ вліяніемъ *воли* магнетизера могла переходить на одушевленные и неодушевленные предметы и производить въ нихъ разныя между прочимъ и *цѣлебныя* дѣйствія. Въ основѣ всего этого лежала особенная, невидимая, эфироподобная среда, невѣсомая субстанція, „fluidum magneticum animale“. Руководствуясь этимъ, *Месмеръ* магнетизировалъ воду, деревья, металлы и различные предметы, служившіе цѣлебными *талисманами*. Всѣ *Месмеромъ* магнетизированныя вещи дѣйствовали на больныхъ также благотворно, какъ и прикосновеніе его собственныхъ рукъ. Помощью пассовъ руками, *Месмеръ* и его послѣдователи производили то оттокъ, то притокъ магнитической жидкости то къ мозгу, то къ сердцу; вызывали то бодрственное состояніе, то сонъ и даже ясновидѣніе.

Врачебная практика *Месмера* приняла огромные размѣры. Больные со всѣхъ сторонъ спѣшили къ нему; слава его распространялась.

Онъ составилъ цѣлую школу, и въ числѣ его послѣдователей мы встрѣчаемъ такихъ лицъ какъ *Гуфеландъ*, *Гмелинъ*, *Пассованъ*, *Пиу-Сеюръ* и др. Этотъ послѣдній сдѣлалъ вскорѣ замѣчательное открытіе, а именно, что намагнитизированные субъекты во время сеанса дѣлаются лунатиками, т. е. встаютъ, ходятъ, работаютъ; затѣмъ, даже пріобрѣтаютъ способность въ магнитическомъ снѣ говорить; разсказываютъ свои сновидѣнія, грёзы и даже становятся ясновидящими. Этимъ значительно была расширена область явленій животнаго магнитизма. Открытіе искусственно вызваннаго сомнамбулизма имѣетъ еще огромное значеніе въ томъ смыслѣ, что здѣсь мы въ большей степени имѣемъ дѣло съ реальными явленіями, а не послѣдствіями лишь разгоряченнаго воображенія, слѣпаго довѣрія или даже просто обмана. Магнитизеры обставляли свои сеансы таинственностью, стараясь по возможности сильнѣе дѣйствовать на чувство и воображеніе публики. Магнитизированіе производилось въ полумракѣ, при полной тишинѣ; важнымъ подспорьемъ при этомъ служили тихіе, чарующіе звуки музыки. Магнитизированный погружался въ сомнамбулическое состояніе, превращался въ послушнаго автомата, лунатика, у котораго путемъ внушенія легко вызывались всевозможныя иллюзіи, галлюцинаціи. На его глазахъ палка превращалась въ змѣю; слабый стукъ становится колокольнымъ звономъ или пушечной пальбой; пламя свѣчи вызываетъ галлюцинацію пожара; онъ видитъ передъ собою пришельцевъ изъ загробнаго міра, бесѣдуетъ съ ними; путешествуетъ на луну, находитъ тамъ живыхъ существъ и т. д. Разгоряченное воображеніе ловкими намеками или вопросами магнитизеровъ легко направляется въ извѣстномъ смыслѣ, отсюда и понятны становятся явленія мнимаго прорицанія и ясновидѣнія. У самаго загипнотизированнаго субъекта могутъ при этомъ замѣчаться анестезія, контрактуры, каталепсія и вообще цѣлый рядъ истерическихъ припадковъ. Утверждали будто они въ этомъ состояніи могутъ читать съ закрытыми глазами или закрытую книгу; могутъ угадывать спрятанные предметы, предсказывать исходы болѣзней, назначать способы лѣченія, видѣть совершающееся на громаднхъ разстояніяхъ и т. д. И вотъ всѣ эти чудеса производились простымъ поглаживаніемъ или прикосновеніемъ рукъ магнитизера! Такое противорѣчіе, такой контрастъ между простотой пріемовъ и столь очевидной сверхъестественностью явленій, не могли не внушать мысли о какой-то необыкновенной, магической силѣ магнитизера.

Однако, рядомъ съ успѣхомъ и торжествомъ ученія о животномъ магнитизмѣ, раздавались голоса скептиковъ, между которыми извѣстный психіатръ *Парианъ* свелъ всѣ явленія месмеризма къ слѣдующей простой, но выразительной формулѣ: „*обмануть, обмануться, быть обманутымъ*“! Скептики уже въ началѣ этого столѣтія отрицали суще-

ствование невидимой, всеобщей магнитической субстанции. Они не признавали ни дѣйствія воли гипнотизера, ни ясновидѣнія и объясняли вышеупомянутое явленіе просто дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія, истерической раздражительностью, каталепсіей, экстазомъ и т. п.

Въ сороковыхъ годахъ животный магнитизмъ подвергся реформѣ, благодаря трудамъ англійскаго врача *Брэда*. Присутствуя на публичныхъ представленіяхъ извѣстнаго магнитизера *Лафонтена*, *Бредъ* пришелъ къ убѣжденію, что вся суть заключается въ *фиксированіи взгляда и сосредоточеніи вниманія и мысли на одномъ и томъ же предметѣ безъ какого либо участія магнитизера*. При этомъ субъектъ погружается въ снопоподобное состояніе. Появляются симптомы каталепсіи, анестезіи; воля усыпленнаго парализуется, воображеніе разгорячается и настраивается по желанію экспериментатора, который вполнѣ овладѣваетъ всѣми дальнѣйшими поступками усыпленнаго.

Такимъ образомъ, *Бредъ* совершенно устранилъ необходимость признанія какой либо магнитической субстанции. Этотъ остроумный ученый основательно изучалъ почти всѣ теперь извѣстныя основныя формы гипнотизма челоѣка и при томъ умѣлъ во многихъ случаяхъ весьма успѣшно практически примѣнять его къ лѣченію болѣзней. Заслуги *Брэда* неоспоримы: онъ первый поставилъ гипнотизмъ на раціональный путь научнаго изслѣдованія и сѣумѣлъ правильно оцѣнить всю важность психическихъ вліяній. Всѣ явленія онъ свелъ на чисто-психологическую почву, главнымъ образомъ къ дѣятельности, такъ сказать, *поляризованнаго* воображенія. Съ тѣхъ поръ явленія животнаго магнитизма, извѣстныя нынѣ подъ именемъ гипнотизма, совершенно утратили свой таинственный, мистическій характеръ: объ ясновидѣніи, о чтеніи закрытыхъ книгъ и т. п. уже не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе довѣріе къ фактамъ было уже подорвано и вплоть до 70-хъ годовъ нельзя было и помышлять о правѣ гражданства гипнотизма въ наукѣ. Правда, отдѣльные ученые продолжали изслѣдовать гипнотизмъ, устанавливали фактическія данныя, но громадное большинство продолжало не довѣрять имъ.

Новая эпоха *гипнотизма или искусственнаго сомнамбулизма* начинается съ изслѣдованій *Ш. Ринге*, *Гайдемайна*, *Шарко*, школы *Нанси* и другихъ. Прошло не болѣе 15 лѣтъ и, вотъ, теперь гипнотизмъ почти всѣми считается несомнѣннымъ, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки. Конечно, можно еще сомнѣваться въ достоинствѣ его, какъ способа лѣченія разнообразныхъ болѣзней; можно многое въ гипнотическихъ явленіяхъ объяснять притворствомъ, ошибками, недоразумѣніями; можно отрицать всякую новизну этихъ явленій, но все-таки даже и такіе скептики не могутъ не признать, что въ гипнотизмѣ мы имѣемъ могучій методъ, который въ рукахъ будущихъ психологовъ и врачей ока-

жется драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ. Что касается до типической картины явленій гипноза у человѣка, то на этомъ я не буду здѣсь останавливаться. Отчасти на нихъ было указано выше, кромѣ того ниже мы еще разъ вернемся къ этому вопросу. Здѣсь намъ пока достаточно лишь припомнить, что у загипнотизированнаго субъекта (вкратцѣ мы будемъ обозначать его „гипнотикомъ“) наблюдается прекращеніе произвольныхъ движеній, аномаліи чувствъ, большее или меньшее помраченіе сознанія, экзальтація воображенія, иллюзіи, галлюцинаціи, аффекты и т. д.

Теперь мы должны приступить къ *сравнительному* психо-физиологическому анализу гипнотизма у животныхъ и у человѣка. При этомъ надо, конечно, твердо помнить, что психическія явленія у животныхъ *гораздо проще*, чѣмъ у человѣка, вслѣдствіе болѣе простой ихъ организаціи. Отсюда понятно, что и весь комплексъ гипнотическихъ симптомовъ у нихъ мы должны уже а priori ожидать въ несравненно *болѣе упрощенной* формѣ. Для доказательства единства гипнотизма въ филогенетическомъ отношеніи для физиологіи достаточно было бы установить единство наиболѣе существенныхъ симптомовъ, изъ которыхъ уже развивается послѣдовательно вся картина гипноза. Само собой понятно, что достиженіе этой цѣли дало бы намъ возможность глубже изслѣдовать самый психодинамизмъ человѣческаго гипноза. Явленія послѣдняго на столько сложны и запутаны; они на столько измѣнчивы подѣ вліяніемъ индивидуальныхъ условій и разныхъ случайностей, что оказывается чрезвычайно затруднительнымъ не только дать теорію гипнотизма, но даже установить типическую картину его. Стоитъ только припомнить, наприм., контрoверзы между школами *Нанси* и *Салпетриеръ* и скептическое отношеніе нѣмецкихъ ученыхъ. Наконецъ нельзя не принять еще въ соображеніе, что при опытахъ надъ животными не можетъ быть и рѣчи ни о притворствѣ, ни объ обманѣ. Съ этой стороны сравнительный методъ представляетъ несомнѣнное преимущество.

Итакъ перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію явленій *животнаго гипнотизма*. Въ половинѣ семнадцатаго вѣка профессоръ и іезуитъ *Аф. Кирхеръ* описалъ слѣдующій опытъ, извѣстный подѣ названіемъ *Experimentum mirabile*: если положить курицу бокомъ и держать ее крѣпко, пока она успокоится, провести черту мѣломъ поперечно черезъ голову, то курица остается преспокойно лежать въ этомъ *нестественномъ* положеніи, даже если ее перестать удерживать. *Кирхеръ* объяснялъ это тѣмъ, что лежащая курица считаетъ проведенную черту мѣломъ за ту привязь, которая удерживала ее голову къ землѣ. Стало быть причина явленія сводится къ усиленно настроенному *воображенію* животнаго. Дру-

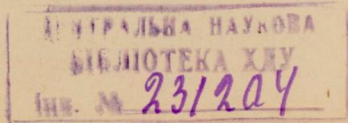
гой ученый того-же времени *Швенгеръ* объяснялъ этотъ опытъ проще — *страхомъ* курицы, парализовавшимъ произвольныя движенія самозащиты.

Эти опыты были научно изслѣдованы только въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія, именно физиологомъ *Чермакомъ*, который показалъ, что означенный опытъ удается и безъ всякаго проведенія черты мѣломъ и что при этомъ у птицъ наблюдаются *каталептическія* явленія. *Чермакъ* полагалъ, что въ данномъ случаѣ животныя, вслѣдствіе *фиксированія взгляда*, впадаютъ въ особаго рода нервный сонъ. Профессоръ *Гейбель*, работавшій преимущественно надъ лягушками, призналъ гипнозъ животныхъ за *обыкновенный сонъ*, исходя изъ замѣченнаго имъ факта, что для полной удаи опыта необходимо устранить всѣ внѣшнія раздраженія. *Прейеръ* пришелъ къ совершенно противоположному выводу. По его мнѣнію, такъ какъ для удаи опыта необходимо быстро, сильно схватить животное — причинить ему *боль*, то все дѣло здѣсь сводится къ *страху, ужасу*, который и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на произвольныя движенія. Таковыя паралитическія состоянія (шокъ) *Прейеръ* называетъ *катаплексіей*. Что страхъ, дѣйствительно, вызываетъ параличъ воли и мышленія, полное оцѣпенѣніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ обыденное наблюденіе. На это же указываютъ и легенды о мифическихъ существахъ *Василискѣ*, *Катаблепасѣ*, *Горгонѣ*, одинъ взглядъ на которыхъ заставлялъ челоуѣка окаменѣвать. Такой же шокъ отъ страха наблюдается и у животныхъ въ особенности при одновременномъ вліяніи сильныхъ болевыхъ ощущеній и даже безъ нихъ, на что, наприм., указываетъ парализующее вліяніе вида змѣи на нѣкоторыхъ птицъ, грызуновъ, а также пріемы укрощенія дикихъ животныхъ. Физиологія показываетъ, что болевыя ощущенія могутъ вызвать полное угнетеніе произвольныхъ и рефлекторныхъ движеній при цѣлости и даже послѣ удаленія большаго мозга. Къ такому то процессу задерживанія и свель *Прейеръ* вначалѣ всѣ явленія животнаго гипнотизма, при чемъ первымъ толчкомъ должно служить чувство страха, ужаса, вызванное болевыми ощущеніями. Противъ такого объясненія всѣхъ явленій гипноза однако можно привести вѣскія возраженія. Такъ оно непримѣнимо для животныхъ обезглавленныхъ, слѣдовательно, безъ большаго мозга или даже безъ всего головнаго, при чемъ о чувствѣ страха едва ли можетъ быть и рѣчь. Далѣе у животныхъ можно вызвать гипнозъ, вовсе не причиняя имъ боли, лишь осторожно и непрерывно подавляя ихъ стремленія выйти изъ неестественнаго положенія, приданнаго ихъ тѣлу насильно. Наконецъ, извѣстно, что привыканіе къ чему либо устрашающему съ теченіемъ времени сглаживаетъ и уничтожаетъ таковое его дѣйствіе; здѣсь же напротивъ, чѣмъ чаще гипнотизировать животное, тѣмъ легче и скорѣе наступаетъ гипнозъ, тѣмъ дольше онъ длится и съ болѣе рѣзко выраженными симптомами. Однако вскорѣ же послѣ напечатанія

моихъ первыхъ опытовъ, *Прейеръ* и самъ измѣнилъ свой взглядъ и призналъ, что у животныхъ рядомъ съ катаплексіей наблюдается и *настоящій гипнозъ*, сходный съ сомнамбулизмомъ человека. Мои собственные наблюденія надъ животными были произведены надъ самыми разнообразными животными. Сюда относятся: ракъ, крабъ, langoust, омаръ, каракатица, осьминогъ, вьюнъ, камбала, электрическій гимнотъ, другія рыбы, лягушка, ея головастикъ, тритонъ, ящерица, крокодилъ, змѣя, черепаха, различныя птицы, морская свинка, кроликъ и др. Недавно частнымъ образомъ мнѣ сообщили, что гипнозъ можно вызвать и у обезьяны. Какъ способъ гипнотизированія этихъ животныхъ, такъ точно и типическая картина явленій въ существенномъ не представляетъ различій у разныхъ животныхъ. Въ виду этого я ограничусь лишь краткимъ общимъ описаніемъ типическаго гипноза¹⁾.

Если, не причиняя боли, положить взятое животное въ какое нибудь неестественное для него положеніе тѣла, всего лучше на спину, и удерживать нѣкоторое время, пока прекратится его противофѣйствіе, то затѣмъ оно продолжаетъ лежать спокойно и безъ всякаго удерживанія въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ или даже одного, двухъ часовъ; это замѣчается, наприм., у рыбъ, опрокинутыхъ на спину, у омара, поставленнаго вертикально на клешни и т. п. Неподвижность животного указываетъ на *уменіе произвольныхъ движеній*, т. е. на *параличъ воли*. Въ такомъ состояніи животное можно переложить осторожно въ любое иное неестественное положеніе, и оно не оказываетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Рядомъ съ этимъ наблюдается сильнѣйшее пониженіе чувствительности кожи и слизистыхъ оболочекъ. Загипнотизированное животное можно колоть, рѣзать, обжигать, не вызывая никакой или почти никакой реакціи—оно продолжаетъ лежать неподвижно, какъ бы не чувствуя ничего. Въ особенности рѣзко выясняется это въ опытахъ надъ омаромъ, осьминогомъ, лягушкою, птицами и кроликами. Такъ, наприм.: осьминогъ, повернутый ротовымъ отверстіемъ вверхъ и въ такомъ положеніи удержанный, сдѣлался сѣраго цвѣта, пересталъ двигаться и присасываться; онъ не реагировалъ на раздраженія ни химическія, ни сильнымъ электрическимъ токомъ, ни на уколы булавкой; въ теченіе получаса онъ оставался анестезированнымъ и неподвижнымъ въ гипнотическомъ состояніи. У птицъ, по *Чермаку*, можно при этомъ замѣтить настоящіе *каталептические* симптомы: приподнятая голова, перекрученная шея нѣкоторое время удерживаютъ приданное имъ неестественное положеніе, „какъ будто шея у нихъ была восковая“. Въ виду этого, стало быть, нельзя сводить все дѣло къ простому расслабленію или параличу мускуловъ; очевидно, при извѣстныхъ условіяхъ развивается

¹⁾ См. 1-й томъ „Физиологическаго Сборника“ стр. 411—445.

flexibilitas cerea—восковая гибкость, причина которой сводится къ своеобразному измѣненію двигательной иннервации.

Что у гипнотизированныхъ животныхъ дѣйствительно происходитъ параличъ воли и рѣзкое пониженіе чувствительности, это доказывается еще и слѣдующимъ наблюденіемъ: если загипнотизированному животному давать вдыхать пары ѣдкихъ или наркотическихъ веществъ, напр.: нашатырнаго спирта, пиридина, никотина, эфира, хлороформа, то животное продолжаетъ лежать и дышать безъ всякаго сопротивленія, наркотизируется даже до смерти, не обнаруживъ ни малѣйшей двигательной реакціи. Интересно, что у лягушки, лишенной большого мозга, во время гипноза анестезія не наблюдается.

Чѣмъ чаще повторять гипнотическіе сеансы надъ животнымъ, тѣмъ легче оно впадаетъ въ это состояніе, тѣмъ все слабѣе и слабѣе становится его противодѣйствіе. Уже послѣ первыхъ сеансовъ животные становятся вялыми, утомленными. Какъ извѣстно, совершенно то же самое наблюдается у человѣка. Слѣдующій опытъ показываетъ, что у гипнотизированнаго животного наблюдается настоящее явленіе аффекта. Если загипнотизировать лягушку и закрыть ея ноздри мокрой бумажкой, то по истеченіи четверти или полуминуты можно замѣтить слѣдующее: глаза закрываются, дыхательныя мышцы сокращаются спазмодически, голова сильно вытягивается впередъ, лягушка даже судорожно раскрываетъ ротъ, но припадки *удушья* все-таки продолжаются—лапки лягушки остаются неподвижными, хотя онѣ совершенно свободны. Если теперь, такъ сказать, разбудить лягушку: дать ей сѣсть обычнымъ способомъ, то она вскорѣ же, очнувшись, ловкимъ движеніемъ передней лапки сбрасываетъ эту бумажку. Стало быть, несомнѣнно это произвольное движеніе самозащиты было парализовано во время гипноза. У нѣкоторыхъ птицъ, именно у голубей можно вызвать гипнозъ только въ томъ случаѣ, если вызвать фиксированіе взгляда на какомънибудь близкомъ предметѣ и вмѣстѣ съ этимъ насильственно удерживать птицу. Предоставленная затѣмъ себѣ она остается въ гипнозѣ неподвижною, но стоитъ только удалить фиксируемый предметъ, и она быстро пробуждается (*Чермакъ*). Это интересное наблюденіе показываетъ, что не только у человѣка, но и у животныхъ зрительныя представленія являются однимъ изъ важнѣйшихъ регуляторовъ бодрственаго сознательнаго состоянія; они даютъ правильный критерій для взаимодѣйствія съ внѣшними вліяніями. Вотъ почему и у человѣка, и у животныхъ закрываніе глазъ такъ легко ведетъ вообще къ извращенію психическаго настроенія, такъ облегчаетъ наступленіе гипноза. Но съ другой стороны то же зрѣніе при вышеуказанныхъ условіяхъ гипнотизации голубя олицетворяетъ въ фиксируемомъ предметѣ то внѣшнее насиліе, которое поставило его въ неестественное состояніе

и лишило его воли; ассоціація зрительнаго представленія съ чувствомъ насилія настолькоъ сильна, что прекращеніе перваго роковымъ образомъ вызываетъ исчезновеніе и втораго, а отсюда — пробужденіе волевыхъ стремленій.

Таковы главнѣйшія явленія гипноза животныхъ. Въ существенномъ они сводятся къ слѣдующему: *параличъ воли, анестезія* и у нѣкоторыхъ *катаплексія*. Эти симптомы вызываются внѣшнимъ физическимъ *насиліемъ, принужденнымъ неестественнымъ положеніемъ тѣла*, что и вызываетъ *психорефлекторное угнетеніе нервно-центральныхъ процессовъ*.

У животного вслѣдствіе безполезности борьбы, инстинктивно возникаетъ чувство непреодолимаго насилія; какъ бы сознавая свою безпомощность, оно покоряется и невольно дѣлается пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ наблюдателя. Угнетеніе волевыхъ и мыслительныхъ процессовъ превращаетъ животное въ анестезированнаго автомата.

Описанная форма животного гипнотизма несомнѣнно генетически родственна катаплексіи, т. е. параличу отъ страха и шоку, вызываемому сильными болевыми ощущеніями. Гипнозъ у нормальнаго животного есть лишь высшая болѣе развитая форма катаплексіи съ большимъ участіемъ психическаго элемента, т. е. головного мозга. Стало быть, симптомы гипноза усложняются по мѣрѣ усложненія мозговой организаціи животного; но основной типъ — угнетеніе отъ внѣшняго насилія — остается неизмѣннымъ. Мы увидимъ ниже, что то же самое принципиально относится и къ человеку.

И такъ у животныхъ мы замѣчаемъ слѣдующія формы „угнетенія отъ внѣшняго насилія“: 1) простѣйшая есть *болевого шока*: сильная боль задерживаетъ всѣ произвольныя, отвѣтныя и рефлекторныя движенія; животное перестаетъ реагировать на внѣшнія раздраженія. Для появленія такого шока нѣтъ надобности въ присутствіи большаго мозга. Весьма важно, что онъ является *безъ* предварительнаго періода возбужденія.

2) Дальнѣйшее усложненіе есть *катаплексія*. Она также вызывается болевыми ощущеніями, но тутъ уже участвуетъ и сознательное чувство страха, ужаса; поэтому полная картина катаплексіи требуетъ участія большаго мозга.

3) Катаплексія, т. е. параличъ воли и анестезія, можетъ быть вызвана *не* физическою болью, но лишь зрительными (или слуховыми) воспріятіями, которыя путемъ психической оцѣнки, путемъ ассоціаціи съ извѣстными опредѣленными представленіями („инстинктъ“), вызываютъ то же самое чувство страха (видъ змѣи парализуетъ нѣкоторыхъ животныхъ).

4) Наконецъ сродную форму представляетъ *гипнозъ*, вызываемый не физическою силою, но психической оцѣнкой длительного внѣшняго насилія. Чувство страха замѣняется чувствомъ подавленности вслѣдствіе представленія непреодолимаго насилія. Привыканіе къ гипнозу противо-

рѣчить объясненію однимъ лишь страхомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Формы гипноза у животныхъ, лишенныхъ большого мозга, представляютъ собою упрощенныя явленія, напр. симптомы анестезіи могутъ и не проявиться, хотя животное и продолжаетъ удерживать насильственно приданное ему неестественное положеніе.

Совершенно аналогичную замѣну „грубыхъ“ чувственныхъ воспріятій высшими психическими актами—ассоціаціей представленій, идеями сначала въ сознательной сферѣ, и затѣмъ въ бессознательной и инстинктивной мы встрѣчаемъ и у человѣка на различныхъ ступеняхъ развитія его гипноза изъ сродныхъ состояній угнетенія. Въ простѣйшей формѣ и у него физическая боль и сильный страхъ обуславливаютъ болѣе или менѣе полное задерживаніе волевыхъ движеній; къ этому затѣмъ присоединяется параличъ чувствительности, остановка сердцебіенія и дыханія, параличи сфинктеровъ и т. д. Во время же гипноза эти послѣдніе симптомы отсутствуютъ или же они являются какъ прямое слѣдствіе спеціальнаго внушенія.

Перейдемъ теперь къ человѣку и посмотримъ, въ чемъ заключаются типическія черты его гипноза. Чѣмъ бы послѣдній ни былъ вызванъ, пассива ли, внушеніемъ ли, фиксированіемъ ли взгляда, дѣло сводится къ *ослабленію самостоятельнаго мышленія, волевые импульсы ослабѣваютъ, произвольныя движенія совершенно прекращаются, сознаніе* до известной степени можетъ быть *помячено*, появляются аномаліи чувствъ, анестезіи, или даже гиперестезіи; гипнотикъ, чрезвычайно напоминаетъ собою лунатика съ тѣмъ лишь различіемъ, что всѣ поступки и дѣйствія его находятся въ полнѣйшей зависимости отъ дѣлаемыхъ ему внушеній. *Личная инициатива* его въ мышленіи и дѣйствіяхъ низводится до нуля. Ряды представленій протекаютъ не самобытно, но лишь въ *томъ* направленіи, какое указывается гипнотизеромъ или вообще внѣшнимъ внушеніемъ. Отсюда — экзальтація воображенія, такъ сказать, *поляризованнаго* извнѣ; отсюда сильное возбужденіе чувствъ, аффектовъ со всѣми ихъ физическими послѣдствіями.

Явленія каталепсін, летаргін, сомнамбулизма всего проще объясняются невольнымъ или вольнымъ, словеснымъ или инымъ какимъ либо *внушеніемъ*. Послѣ пробужденія отъ гипноза субъектъ, обыкновенно, не помнитъ, что съ нимъ происходило во время его. Но интересно, что во время вторичнаго гипноза воспоминанія о событіяхъ перваго иногда пробуждаются совершенно ясно.

Къ наиболѣе любопытнымъ явленіямъ гипнотизма человѣка относится исполненіе сдѣланныхъ во время гипноза внушеній впоследствии во время, повидимому, вполне сознательнаго бодрствованія и именно въ

назначенный заранее момент времени. Наблюдения показали, что во время такого исполнения внушения, субъектъ какъ бы впадаетъ въ состояніе лунатизма, т. е. снова впадаетъ въ состояніе гипноза, становится автоматомъ, дѣйствующимъ въ этотъ моментъ подъ вліяніемъ пробудившейся въ немъ идеи, насильственно навязанной ему во время гипноза. Это состояніе знакомо наблюдателямъ, какъ аутогипнозъ, появляющійся въ данномъ случаѣ безъ всякаго внѣшняго, одновременнаго повода.

Не менѣе интересно вліяніе гипнотическихъ внушеній на тѣлесные процессы, на физическое состояніе тѣла гипнотика. Сюда относятся, напр., вліяніе на процессы заживленія ожоговъ, на состояніе кровеносныхъ сосудовъ кожи, на сердцебіеніе, вызываніе кровоподтековъ и т. п. Эти факты не представляютъ ничего исключительнаго, если припомнить сильное вліяніе поляризованныхъ мысленія и чувства на вегетативные процессы тѣла. А именно-то во время гипноза подобная поляризація психики путемъ внушеній удастся всего легче, вслѣдствіе сильнѣйшаго ослабленія сознательныхъ актовъ воли и мысленія.

Нормальная логическая связь идей рѣзко нарушается; субъектъ перестаетъ критически относиться къ окружающему или, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ этого не проявляетъ,—онъ превращается въ послушнаго автомата, безсознательно исполняющаго всѣ приказанія, какъ бы абсурдны или нелѣпы они ни были, какъ бы они ни противорѣчили его личнымъ убѣжденіямъ или требованіямъ разума и нравственности. Однако въ началѣ гипноза и во время его въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась явно *внутренняя борьба* у гипнотика между внушеніемъ и еще непомраченнымъ сознаниемъ; иногда онъ даже отказывается отъ исполненія непріятнаго или невозможнаго для него приказанія, тогда какъ рядомъ съ этимъ другія нелѣпыя внушенія онъ выполняетъ безпрекословно; рядомъ съ этимъ въ немъ возникаютъ различныя иллюзіи и галлюцинаціи. Если рядомъ съ возникающими сильными ощущеніями удастся еще сильнѣе настроить воображеніе, повысить его *поляризуемость*, то сознаніе совершенно помрачается.

Указавши въ общихъ чертахъ основныя свойства гипнотизма человека, мы постараемся теперь иллюстрировать это нѣсколькими примѣрами.

Одному усыпленному зуаву внушили, что уголь очень вкусная пища; тотъ началъ ѣсть и, даже пробудившись, продолжалъ это пріятное занятіе, изумляясь и не понимая, откуда у него могло взяться такое нелѣпое желаніе. Другому гипнотика, который по приказанію выпилъ воды, внушили, что это была водка и что ему грозитъ опьянѣніе. Тотчасъ же вслѣдствіе насильственно настроеннаго воображенія у него появились всѣ припадки настоящаго опьянѣнія. Подобное же вліяніе гипнотическаго воображенія на тѣло иллюстрируется еще и слѣдующимъ примѣромъ. По внушенію одна загипнотизированная особа начала раз-

сказывать, что видитъ своего отсутствующаго мужа на кораблѣ, который выходитъ въ море; начинается буря, сильная качка, при этомъ сама усыпленная начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону, какъ на кораблѣ, заболѣваетъ морскою болѣзною, и дѣйствительно появляется рвота. Въ другихъ случаяхъ гипнотикъ, вслѣдствіе внушенія, въ ужасѣ спасается отъ стула, превратившагося въ слона, тигра... Онъ смѣло бросается въ борьбу съ демоническими существами и побѣждаетъ ихъ; онъ самъ превращается въ птицу, и, воображая себя въ клѣткѣ, проситъ позволенія клевать конопляное сѣмя, и т. д. Одной загипнотизированной дамѣ *Ch. Richet* сказалъ: „я беру вашу руку и рѣжу ее. Смотрите, кровь течетъ“. Эти слова вызвали такое сильное душевное потрясеніе, что она тотчасъ упала безъ чувствъ на полъ: ни сердцебіенія, ни дыханія... Черезъ $\frac{1}{2}$ минуты пришла въ себя. Очевидно, слова гипнотизера были приняты „на вѣру“; отсутствіе сознательной мысли не дало возможности отнестись критически къ внушенію. На подобную же экзальтацію воображенія указываютъ слѣдующіе факты. Одинъ гипнотикъ, давно не видавшій свою мать, по внушенію гипнотизера увидѣлъ ее. „Я ее вижу, она работаетъ, она думаетъ обо мнѣ“ вскричалъ онъ и заплакалъ отъ радости; но вдругъ радость смѣнилась выраженіемъ грусти:.. „Увы! она меня не можетъ увидѣть!..“ и онъ заволновался.—Во время гипноза усыпленную особу заставили въ воображеніи совершить прогулку на кладбищѣ къ гробницѣ. Она протестуетъ: „Я дальше не могу идти!“ Но по настойчивому приказанію гипнотизера она продолжаетъ воображаемое путешествіе; ее заставляютъ войти въ могилу, открыть гробъ, но въ этотъ моментъ явились признаки душевнаго волненія, ужаса, отвращенія. Почти цѣлый часъ длилось „нервное потрясеніе“, которое съ трудомъ лишь могли успокоить.

Одного гипнотика заставили совершить путешествіе на луну. Описывая разные моменты своего пути, онъ вдругъ разсмѣялся и сказалъ: „Посмотри на этотъ большой блестящій шаръ тамъ внизу!“—Это была земля въ его воображеніи.

Потеря *памяти* послѣ гипноза хорошо обрисовывается въ слѣдующемъ разсказѣ: загипнотизированную особу попросили сѣсть обѣдать, при чемъ подали любимое ея кушанье. Она сѣла за столъ, медленно сѣбла и замѣтила, что если бы она такъ обѣдала каждый день, то была бы вполне счастлива. Затѣмъ, когда она еще продолжала восхищаться, ее разбудили. Глаза ея тотчасъ обратились къ любимому кушанью, но, увиди блюдо пустымъ и услышавъ, что она сѣбла его во время сна, она со слезами стала горько упрекать въ томъ, что ей помѣшали насладиться ея любимымъ кушаньемъ. Очевидно, что выраженное ею во время гипноза удовольствіе отъ кушанья не было сознательнымъ, она забыла о немъ послѣ пробужденія. Въ этомъ примѣрѣ весьма

наглядно выясняется двойственность душевной жизни во время гипноза и послѣ него. На то же явленіе *дуализма психики* указываетъ и слѣдующій случай: одна особа во время подобнаго сомнамбулическаго состоянія была оскорблена; пробудившись, она ничего не помнила и только во время слѣдующаго припадка она рассказала о нанесенномъ ей оскорбленіи.

Обыкновенно послѣ гипноза субъектъ не помнитъ ничего о происходившемъ во время сеанса. Эта спеціальная потеря памяти составляетъ характерный признакъ гипнотическихъ состояній при полномъ типическомъ ихъ развитіи. Но вообще говоря, одно отсутствіе воспоминаній или знаній о пережитомъ само по себѣ еще вовсе не можетъ служить прямымъ доказательствомъ того, что субъектъ находился въ безсознательномъ состояніи; простая потеря памяти приводитъ къ такому же незнанію о событіяхъ во время гипнотическаго сеанса. Последнее выясняется еще рѣзче въ тѣхъ случаяхъ, когда сдѣлано настойчивое внушеніе—позабыть о всемъ случившемся.

Упомянутый дуализмъ душевной сферы можетъ быть легко выясненъ такимъ способомъ: гипнотика внушаютъ, чтобы въ такой-то день онъ совершилъ такое-то необычное для него дѣяніе. Если затѣмъ разбудить его и въ любое время до назначеннаго срока заговорить съ нимъ объ ожидаемомъ поступкѣ, то окажется, что онъ ничего не знаетъ, не помнитъ о сдѣланномъ ему внушеніи. Но если въ теченіе этого же промежутка времени вновь загипнотизировать и спросить его, то онъ точно расскажетъ о полученномъ приказаніи. Очевидно, слѣды послѣдняго въ безсознательной сферѣ не могутъ быть пробуждены сознательнымъ волевымъ напряженіемъ. Такая двойственность души подтверждается многими другими фактами.

На сколько сильно настраивается воображеніе гипнотика подѣ влияніемъ внушенія и на сколько его дѣйствія при этомъ въ точности подчиняются тому же, видно, наприм., изъ слѣдующаго разсказа: одной *молодой* усиленной женщиной внушили, что она старуха, и вотъ—эту роль она разыгрываетъ замѣчательно правдоподобно: она плохо слышитъ, съ трудомъ ходитъ, садится, кашляетъ по стариковски, требуетъ нюхательнаго табаку, жалуется на старческія боли и т. д.

Слѣдующій случай, показывающій вліяніе гипнотическаго внушенія на кровеносные сосуды, на первый взглядъ кажется даже *неправдоподобнымъ*, настолько онъ противорѣчитъ нашимъ обыденнымъ понятіямъ, господствовавшимъ до сихъ поръ. Одному усиленному истеричному солдату внушили, что въ назначенное время у него явится носовое кровотеченіе; такъ дѣйствительно и случилось. Въ другой разъ во время же гипноза на его плечѣ тупымъ инструментомъ начертили первыя 4 буквы его же имени и при этомъ внушили, что въ этотъ же день,

въ опредѣленный часъ онъ заснетъ и тогда же обозначенныя буквы на кожѣ плеча сдѣлаются *красными*. Послѣ этого внушенія солдата разбудили и предоставили его вполнѣ самому себѣ. Въ назначенный часъ онъ заснулъ и дѣйствительно на мѣстѣ начерченныхъ буквъ въ точности появились красныя возвышенныя линіи, а затѣмъ даже выступили капельки крови.—Сюда же слѣдуетъ отнести и слѣдующее наблюденіе. Одному субъекту были произведены совершенно одинаковые ожоги на обоихъ плечахъ. Затѣмъ ему сдѣлали гипнотическое внушеніе, будто на правомъ плечѣ боль совершенно исчезла. Оказалось, что правый ожогъ заживалъ легче и скорѣе, чѣмъ лѣвый. Очевидно, что сознательное ощущеніе боли служить помѣхою выравниванію патологическихъ процессовъ, фактъ, давно извѣстный врачамъ. Указанныя гипнотическія воздѣйствія на вегетативную сферу до извѣстной степени объясняются подобнымъ же вліяніемъ раздраженія корки большого мозга на кровообращеніе, отдѣленія, гладкую мускулатуру и т. д.

Выше было уже упомянуто, что гипнотическія внушенія и приказанія исполняются *долгое время спустя послѣ пробужденія*. Слѣдующій случай лучше всего показываетъ это свойство гипноза. Физиологъ Бони внушилъ въ *юль* мѣсяцѣ въ *Нанси* одной усиленной дѣвушкѣ, что черезъ $\frac{1}{2}$ года — перваго января она увидитъ его; онъ придетъ поздравить ее съ новымъ годомъ и, затѣмъ, поздравивши, исчезнетъ. Дѣйствительно, 1-го января случилось слѣдующее: въ 10 ч. утра она услышала стукъ въ двери и сказала: „войдите“. Къ своему великому удивленію она видѣла, что вошелъ Бони (который въ это время былъ въ Парижѣ) и поздравилъ ее съ новымъ годомъ; тотчасъ же онъ ушелъ. Не смотря на зимнюю пору она увидѣла Бони въ томъ самомъ лѣтнемъ платьѣ, въ которомъ онъ былъ въ *юль* во время внушенія. Ей замѣтили сейчасъ же, что Бони находится въ Парижѣ и онъ не могъ быть теперь у нея, тѣмъ не менѣе она продолжала утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что видѣла его. Такимъ образомъ, черезъ $\frac{1}{2}$ года произошла внушенная галлюцинація съ такою очевидностью, повидимому, при вполнѣ бодрственномъ состояніи, что даже самъ Бони, возвратившись изъ Парижа въ Нанси, не могъ разубѣдить ее въ обманѣ ея чувствъ. Есть факты, которые показываютъ, что подобныя гипнотическія галлюцинаціи могутъ возникать черезъ годъ и даже болѣе—послѣ внушенія.

Особенный интересъ представляютъ такъ назыв. „отрицательныя галлюцинаціи“, внушенныя гипнотику на послѣдовательное время по пробужденіи. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что разбуженный гипнотикъ не долженъ видѣть, или слышать, или вообще чувствовать того или другаго изъ присутствующихъ или какой либо предметъ; можно внушеніемъ заставить слышать голосъ, но не видѣть самого говорящаго. Возможна и другая не менѣе странная комбинація: субъектъ будетъ

видѣть и слышать говорящаго, но не почувствуетъ прикосновенія къ нему, не будетъ его осязать. Хорошею иллюстраціей можетъ служить слѣдующее наблюденіе. Гипнотизеръ сдѣлалъ усыпленному такое внушеніе: „Когда проснетесь, Вы увидите меня одѣтымъ во все красное, а на головѣ 2 козлиныхъ рога. Кромѣ того, тутъ же сидящая моя жена исчезнетъ, Вы ее не будете видѣть, равно какъ и дверь, вмѣсто которой будутъ обои“. Затѣмъ, ему было внушено три раза зѣвнуть, послѣ чего онъ долженъ былъ проснуться. Такъ и случилось; гипнотикъ открылъ глаза; протирая ихъ и смотря на гипнотизера, начинаетъ смѣяться. Спрошенный о причинѣ смѣха онъ отвѣчаетъ: „Да вѣдь Вы весь красный, а на головѣ — рога!... Ваша жена ушла. Гдѣ же она сидѣла?“ — На этомъ стулѣ; Вы видите его? — „Да“. Гипнотика заставляють ощущать стулъ, на которомъ продолжала сидѣть дама. Но, дотрагиваясь до нея, онъ чувствовалъ только какое то *невидимое* противодѣйствіе. Затѣмъ, пожелавъ выйти, онъ направился къ двери, но вмѣсто нея увидѣлъ ровную стѣну, покрытую обоями.

Такія отрицательныя галлюцинаціи длятся послѣ пробужденія обыкновенно не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Однако наблюдались случаи и гораздо большей длительности (часы и даже дни).

Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой примѣры внушеннаго самообмана: очевидно, что зрительныя, слуховыя, осязательныя воспріятія существуютъ безпрпятственно, но внушеніе дѣйствуетъ на психическую оцѣнку этихъ впечатлѣній, на правильную аперценцію ихъ, и здѣсь то получается то извращеніе или искаженіе, которое мы въ правѣ обозначать какъ „психическую слѣпоту или глухоту“ и т. п. ¹⁾

Намъ остается еще упомянуть о замѣчательномъ вліяніи гипнотическаго внушенія на бессознательную психику. Такъ этимъ путемъ можно заставить субъекта, чтобы во время обыкновеннаго сна онъ имѣлъ бы опредѣленныя сновидѣнія или вовсе не видѣлъ бы никакихъ, чтобы онъ не имѣлъ припадка кошмара и т. п.

Мнѣ кажется, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы характеризовать содержаніе гипнотическихъ явленій. Я умышленно уклонился отъ изложенія вопроса объ *умственномъ* внушеніи, производимомъ гипнотикомъ *не* явно, *не* словами, а лишь *мысленно*. Дѣло въ томъ, что относящіеся сюда факты далеко еще не точно констатированы; отрывочные, повидимому, удачные случаи не были обставлены достаточно критически. Въ такихъ вопросахъ, навѣвающихъ снова что то мистическое, гораздо правильнѣе лишній разъ сказать „не доверяю“, „не знаю“, чѣмъ признать вліяніе воли и мысли безъ видимаго ихъ

¹⁾ Полную аналогію этому состоянію мы находимъ у животныхъ, у которыхъ вырѣзаны корковые психосенсорные центры зрѣнія, слуха.

выраженія, основываясь на нѣсколькихъ, повидимому, „точныхъ“, а въ сущности не вполне убѣдительныхъ наблюденіяхъ. Последнія требуютъ особенно строго критической постановки; условія должны быть точно извѣстны. Дѣло въ томъ, что аномаліи чувствъ гипнотиковъ на столько сложны и разнообразны, они еще такъ мало изучены, что—по всей вѣроятности—мы далеко еще не знаемъ всѣхъ тѣхъ предосторожностей, которыя должны быть приняты для устраненія ошибокъ и обмана. Стоитъ лишь, напр., указать на возможность непроизвольныхъ сокращеній мускуловъ самого гипнотизера (гортани и руки) при мысленномъ напряженномъ повтореніи внушенія, какъ на возможный осязаемый способъ передачи гипнотику физическихъ импульсовъ; далѣе на такое-же значеніе зеркальнаго отраженія отъ роговицы и т. п.

Ознакомившись съ фактическимъ содержаніемъ гипнотизма человѣка, мы перейдемъ теперь къ теоретическому его разсмотрѣнію. Начнемъ съ того, что полной теоріи этихъ явленій до сихъ поръ *нѣтъ*. Ученые расходятся между собою даже въ пониманіи, въ, такъ сказать, научной оцѣнкѣ этихъ явленій. Одни видятъ въ нихъ лишь аномальныя послѣдствія душевной усталости вслѣдствіе сосредоточенія вниманія и мысли и отсюда экзальтацію воображенія; другіе видятъ въ гипнозѣ *физиологическое* состояніе, весьма близкое къ обыкновенному сну, характеризующееся „диссоціаціей ассоціированныхъ психическихъ безсознательныхъ аутоматизмовъ“ подъ вліяніемъ внушенія, которое относится къ задерживательнымъ дѣйствіямъ. Нѣкоторые считаютъ гипнозъ за явленіе патологическое—нейрозъ или даже за искусственно вызванное слабоуміе или помѣшательство. Приводятъ также мнѣніе о близкомъ сходствѣ и даже сродствѣ гипноза съ истеріей, а именно утверждаютъ, что гипнозъ человѣка происходитъ вслѣдствіе утомленія и недѣятельности извѣстныхъ участковъ корки большого мозга и представляетъ собою въ сущности родъ искусственно вызванной истеріи.

Психическій аутоматизмъ гипнотика объясняютъ ослабленіемъ и даже параличемъ высшихъ корковыхъ центровъ головного мозга, при чемъ внушенная извѣстная идея поработываетъ все душевное настроеніе гипнотика. Строго говоря, о параличѣ высшихъ корковыхъ центровъ во время гипноза не можетъ быть и рѣчи,—этому противорѣчатъ сложные психическіе акты въ сферѣ идеации и воображенія какъ во время этого состоянія, такъ и вызванные на послѣдовательные моменты послѣ пробужденія. Этимъ поработаніемъ же объясняютъ замѣчательныя явленія подражанія и подчиненности его. Такимъ вліяніемъ внушенія школа *Нанси* объясняетъ всѣ явленія человеческого гипнотизма. Умственная дѣятельность субъекта, сосредоточиваясь подъ вліяніемъ внушенія на одной какой либо идеѣ или представленіи, тѣмъ самымъ придаетъ всей душевной дѣятельности соотвѣтственное настроеніе. Вотъ почему, гово-

рятъ они, гипнозъ и не удастся у людей, не способныхъ *сосредоточивать свои мысли*. Такимъ образомъ, школа *Нанси*, представителями которой являются *Льебо, Бернеймъ, Льежуа, Форель* и друг., сводитъ всѣ явленія гипноза къ психическому вліянію—внушенію. Даже гипнотическій сонъ есть результатъ послѣдняго. Фиксированіе взгляда само по себѣ не можетъ вызвать гипнозъ, онъ является при этомъ результатомъ внушенія, т. е. представленія необходимости сна. Напротивъ, школа *Сальпетриеръ*, т. е. *Шарко* и его ученики, признаетъ непосредственныя дѣйствія гипнотическихъ манипуляцій на *физиологическія* свойства тѣла—на нервную и мускульную системы—помимо душевной сферы, т. е. безъ участія какого либо внушенія. Такъ напр. они утверждаютъ, что у гипнотика летаргія вызывается фиксацией взгляда, и что простымъ приподнятіемъ вѣкъ или поглаживаніемъ лба можно вызвать затѣмъ то катаlepsію, то сомнамбулизмъ; что въ гипнозѣ наблюдаются три отдѣльныхъ стадій: летаргическая, катаlepsическая и сомнамбулическая съ различными физиологическими признаками (въ области движенія, чувствительности, кровообращенія) и т. д. Главный упрекъ, обыкновенно дѣлаемый этой школѣ, состоитъ въ томъ, что почти всѣ свои наблюденія они дѣлали надъ истеричными субъектами, а не надъ здоровыми. Школа же *Нанси* поступала какъ разъ наоборотъ. Поэтому-то значеніе послѣдней все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Къ вышenezложеннымъ теоретическимъ соображеніямъ различныхъ ученыхъ намъ остается еще прибавить воззрѣнія физиолога *Бони*. Онъ полагаетъ, что въ основѣ гипноза лежитъ, какое-то особенное, своеобразное состояніе мозга, которое вызывается вѣншнимъ стимуломъ, характеризуется задерживаніемъ мыслительной дѣятельности и дѣлаетъ мозгъ воспріимчивымъ къ внушеніямъ. Это состояніе, по его мнѣнію, въ извѣстномъ отношеніи напоминаетъ нервный шокъ хирурговъ или, даже, ступоръ у слабоумныхъ. Одного лишь сосредоточенія мысли и вниманія съ послѣдовательнымъ утомленіемъ онъ совершенно справедливо считаетъ вовсе недостаточнымъ для полнаго объясненія гипноза.

Этимъ мы и закончимъ краткій обзоръ различныхъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія изслѣдуемыхъ нами явленій. Разнообразие и неопредѣленность ихъ сразу бросаются въ глаза и безъ подробнаго критическаго обсужденія. Очевидно въ рукахъ ученыхъ было слишкомъ недостаточно фактовъ, они разбирали вопросъ слишкомъ односторонне, сосредоточивъ свое вниманіе на гипнозѣ только человека, да къ тому же только цивилизованнаго, а не какого либо дикаря. Они не изслѣдовали этотъ вопросъ *сравнительно генетическимъ* путемъ, т. е. именномъ тѣмъ, который для подобныхъ сложныхъ задачъ является наиболѣе рациональнымъ. Въ нижеслѣдующемъ мы и постараемся выяснитъ вопросъ именномъ съ этой точки зрѣнія.

Главный недостатокъ упомянутыхъ теоретиковъ заключается въ томъ, что они недостаточно обратили вниманія на состояніе *воли* у гипнотика, а между тѣмъ *парализъ* ея, т. е. *прекращеніе произвольныхъ движеній вследствие пріостановки сознательныхъ двигательныхъ стремлений и есть первичное и основное явленіе гипноза*. Съ него то и начинаются всѣ остальные симптомы, какъ-то: извращеніе хода представленій, чувствъ, воображенія и т. д. На это указываютъ, между прочимъ, тѣ случаи *полугипноза* или *сомнамбулическаго бодрствованія*, въ которыхъ субъекты еще довольно ясно сознаютъ окружающее, еще активно мыслятъ, не утрачиваютъ еще памяти, но *воля ихъ уже парализована*:—они исполняютъ нелѣпыя внушенія, — они являются полубодрствующими автоматами съ открытыми глазами. Сюда относятся также состоянія, описанныя подъ названіемъ „*помраченія*“ (*fascination Bremaud*) и „*очарованія*“, (*Liébault*), или „*гипнотаксія*“ (*Forel*). Податливость внушенію и забываніе послѣдняго особенно характерны для описываемой формы гипноза. Стало бытъ *помраченіе сознанія, прекращеніе мыслительной работы* вовсе не требуется для появленія гипнотическаго автоматизма, — необходимо лишь одно *унесеніе волевыхъ центровъ*, которое затѣмъ охватываетъ дѣятельность и самостоятельнаго, такъ сказать, критическаго мышленія. Это безволіе вовсе не есть результатъ предварительнаго чрезмѣрнаго напряженія воли, т. е. истощенія; оно является быстро или медленно безъ явной сознательной борьбы. Такимъ образомъ устанавливается *обезличеніе* гипнотика, не только съ виѣшней стороны для посторонняго наблюдателя, но и для его собственнаго внутренняго міра. Насколько субъектъ утрачиваетъ способность произвольно распоряжаться *движеніями своихъ мускуловъ*, настолько же онъ оказывается безсиленъ по произволу направлять *теченіе своихъ мыслей и представленій*. Самостоятельная, логическая координація послѣднихъ утрачивается. Душевная сфера становится настолько же податливою, пластичною, склонною къ подражанію и подчиненію, насколько мы встрѣчаемъ ее таковою у дѣтей, дикарей и слабоумныхъ, т. е. у тѣхъ лицъ, у которыхъ самостоятельность мысли и сознательной воли недоразвита или крайне ослаблена. Не нужно при этомъ забывать, что независимость и самостоятельность мысли есть такое же проявленіе нашей сознательной воли, какъ и наши дѣйствія и поступки, совершающіеся по нашему личному произволу. Въ первомъ случаѣ наша личная инициатива выражается въ мыслительной сферѣ, во второмъ — въ нашихъ движеніяхъ. Если при этомъ припомнить, что теченіе представленій влияетъ на состояніе нашихъ внутреннихъ чувствъ, то теперь станетъ понятнымъ, почему человѣкъ съ сильною волей можетъ въ извѣстной степени доминировать надъ своими настроеніями, чувствами... Та же самая воля служить строгимъ контролемъ, обуздывающимъ наше воображеніе или направляющимъ его по нашему личному произволу.

Теперь становится понятнымъ, почему такая бодрствующая воля ограждаетъ личность отъ подчиненія вѣшнему внушенію. Последнее, впрочемъ, можетъ произойти въ томъ случаѣ, если содержаніе внушенія и мотивы его вполне гармонируютъ, такъ сказать, консонируютъ съ убѣжденіями и мыслями самаго субъекта. Наоборотъ люди съ слабой волей и недостаточною самостоятельностью мышленія гораздо легче подчиняются вѣшнему внушенію, приказаніямъ даже въ томъ случаѣ, если это расходится съ ихъ личными убѣжденіями. Каждому не разъ приходилось встрѣчать въ обыденной жизни такое автоматическое послушаніе, подчиненіе, которое по своей пассивности едва-ли даже отличается отъ гипнотическаго.

Это объясняетъ намъ, почему, по увѣренію компетентныхъ гипнотизеровъ, гипнозъ всего легче удастся у людей *привыкшихъ повиноваться, подчиняться*, а также и у тѣхъ, у которыхъ воля и мышленіе не достигли извѣстной степени самостоятельности и стойкости, и вообще у лицъ нервныхъ, склонныхъ къ истеричности. Подобное-же отношеніе встрѣчается и въ обыденной жизни: критическое самостоятельное мышленіе обыкновенно тормозитъ превращеніе центростремительныхъ импульсовъ въ двигательные; обратное получается тогда, когда содержаніе внушенія совпадаетъ съ личными побужденіями. Если мы теперь обратимся къ гипнозу, то увидимъ, что параличъ воли и угнетеніе сознательнаго мышленія дѣлаютъ гипнотика вполне подчиненнымъ всякому вѣшнему внушенію. Отсутствие контроля, отсутствие произвольнаго противодѣйствія, даже въ сферѣ мысли—не только дѣйствій—обусловливаютъ полное поработаніе субъекта внушенной идеей. Вызванный этимъ ходъ мыслей, теченіе представленій, игра воображенія происходятъ въ *безсознательной сферѣ* души, такъ какъ они органически, логически ничѣмъ не связаны съ содержаніемъ сферы сознательнаго мышленія. Это объясняетъ намъ потерю памяти послѣ гипноза ¹⁾. Наглядно или образно мы можемъ себѣ представить это такимъ образомъ: во время бодрствованія существуетъ опредѣленная, логическая цѣпь сознательныхъ идей и представленій. Во время гипноза эта цѣпь прерывается; постороннему наблюдателю кажется, что умственная работа субъекта низведена до нуля. Но вотъ подъ вліяніемъ внушеній устанавливается новое, совершенно своеобразное, *чуждое* теченіе мыслей и

¹⁾ Что дѣйствительно основной психодинамизмъ гипноза главнымъ образомъ сосредоточивается въ сферѣ безсознательной и инстинктивной, на это между прочимъ указываетъ слѣдующій фактъ. Если гипнотика внушить, что въ послѣдствіи его можетъ успѣть только одинъ лишь А., то дѣйствительно такъ и случится: А. можетъ легко его загипнотизировать, тогда какъ никто другой этого не достигнетъ, хотя субъектъ никакого сознательнаго противодѣйствія во второмъ случаѣ и не окажетъ. Очевидно, такое сопротивленіе каждый разъ будетъ возбуждаться вѣ сферѣ сознанія.

представлений; возникает необычная игра воображенія и чувствъ, несомнѣнно оставляющая слѣды въ мозгу. Въ свою очередь это душевное состояніе рѣзко обрывается и прекращается при пробужденіи гипнотика, и снова восстанавливается прерванная цѣпь сознательной психики. Теперь становится понятнымъ, почему, пробудившись, онъ обыкновенно не помнитъ о событіяхъ своего гипноза: *между обоими психическими состояніями, сознательнымъ и безсознательнымъ, нѣтъ посредствующаго логическаго звена, которое связало-бы органически ихъ вмѣстѣ;— между ними въ душѣ остался перерывъ, пробѣлъ.* Оставшіеся однако въ мозгу слѣды гипнотическаго внушенія путемъ ассоціаціи съ представленіемъ опредѣленнаго момента времени или какого либо предмета вновь пробуждаются и дѣйствуютъ какъ извнѣ полученное внушеніе, т. е. какъ бы внутри-слышимый голосъ гипнотизера. Въ этотъ моментъ эти слѣды играютъ роль *насилъственной идеи*, т. е. внѣшняго приказанія, которое и вызываетъ болѣе или менѣе полное *возобновленіе гипнотическаго состоянія*. Въ этотъ моментъ исполняется давнымъ давно сдѣланное внушеніе. Или же это внушеніе остается въ видѣ насилъственной идеи, которая постоянно проявляется даже во время *бодрственнаго состоянія* и на ряду съ сознательною волею руководить дѣйствіями субъекта, не смотря на всю нелѣпость своего содержанія; вслѣдствіе *парціальнаго* пораженія своей воли онъ не въ состояніи противодѣйствовать ей; онъ даже не можетъ отдать себѣ отчета, откуда появилось у него это нелѣпое желаніе или идея. Въ этомъ случаѣ, понятно, о полномъ возстановленіи энергіи воли послѣ гипноза не можетъ быть и рѣчи. Свобода мысли и воли несомнѣнно страдаетъ до тѣхъ поръ, пока слѣды насилъственно навязанной идеи не изгладятся въ мозгу или пока она ни будетъ нейтрализована какимъ либо новымъ внушеніемъ.

Интересно, что, исполняя полученное во время гипноза внушеніе на срокъ (*suggestion à échéance*)—субъектъ, находящійся въ этотъ моментъ, повидимому, въ вполнѣ бодрственномъ состояніи, не знаетъ объ истинной причинѣ своего поступка и считаетъ себя дѣйствующимъ по личному побужденію. Спрошенный о поводѣ къ своему поступку, странному или даже нелѣпому, онъ придумываетъ объясненіе и старается убѣдить и себя, и другихъ въ своемъ произволѣ. Если онъ и не въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета—что именно побудило его къ такому дѣйствію, все же его сознаніе убѣждаетъ его въ свободѣ выбора, т. е. внутренний голосъ самого сознанія гарантируетъ свободу воли, онъ отрицаетъ всякое вмѣшательство внѣшняго побужденія. А между тѣмъ фактъ на лицо—субъектъ дѣйствовалъ по неволѣ, по несознаваемому принужденію. Такія наблюденія оказываются серьезнымъ предостереженіемъ для психологовъ-субъективистовъ, ищущихъ въ сознаніи достаточный критерій для рѣшенія многихъ вопросовъ психологіи.

И такъ гипнотическое угнетеніе воли и мысли дѣлаетъ всю психику особенно пластичною, податливою для внѣшнихъ воспріятій. Въ ней легко воспринимаются и запечатлѣваются внѣшнія вліянія вслѣдствіе отсутствія внутренняго противодѣйствія.

Личное „Я“ субъекта, характеризующееся свободною волею и мыслию, во время глубокаго гипноза, низводится до нуля. Передъ постороннимъ наблюдателемъ находится безсознательный, движущійся и говорящій автоматъ. Припомнимъ кстати при этомъ, что гипнозъ и у животныхъ характеризуется подавленіемъ воли и сознательной самозащиты. Оно также превращается въ автомата, который безучастно относится къ внѣшнимъ раздраженіямъ и утрачиваетъ способность цѣлесообразно, т. е. разумно реагировать на внѣшнія вредныя, насильственные воздѣйствія.

До сихъ поръ наши разсужденія ограничивались лишь сферою чисто психической. Теперь является вопросъ, насколько правы послѣдователи Шарко, признающіе непосредственное вліяніе гипнотизаціи на фізіологическія свойства тѣла, въ особенности на иннервацію мускульной системы, помимо какого либо словеснаго внушенія. Они утверждаютъ, что въ извѣстномъ періодѣ гипноза (летаргія) наблюдается чрезмѣрная возбудимость мускуловъ. Допуская, что въ данномъ случаѣ факты ихъ вѣрны, что никакого внушенія не было при этомъ, мы должны съ точки зрѣнія нашей гипотезы найти фізіологическое объясненіе и этому явленію. По нашему мнѣнію, оно можетъ заключаться въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою явленіе своеобразно повышенной возбудимости кожномышечныхъ рефлекторныхъ центровъ. Въ свою очередь такое состояніе, какъ извѣстно изъ фізіологіи, вызывается устраненіемъ регулирующаго дѣйствія головного мозга на отраженные движенія. А именно-то во время гипноза мы и признали во главѣ всего угнетеніе волевыхъ и произвольно-мыслительныхъ актовъ, т. е. необходимаго регулирующаго аппарата. Такъ какъ эти акты въ психофізіологической сферѣ исполняютъ задерживательныя функціи, то во время гипноза, понятнo, процессы возбужденія будутъ преобладать; при этомъ возникновеніе и направленіе ихъ вполне зависитъ отъ внѣшнихъ импульсовъ. Въ такомъ состояніи вообще всѣ „низшіе“ нервныя центры болѣе возбудимы или впечатлительны, болѣе подчиняются чувственнымъ воспріятіямъ. Этимъ-же объясняется легкость появленія у гипнотиковъ душевныхъ волненій, аффектовъ, проявляющихся съ необыкновенной рельефностью. Тоже самое мы видѣли и у гипнотизированной лягушки съ закрытыми ноздрями, у которой припадокъ удушья служилъ выраженіемъ аффекта страха ¹⁾.

¹⁾ Кстати при этомъ замѣтить, что если у этой-же лягушки вырѣзать большой мозгъ и вновь ее загипнотизировать, то этого припадка уже нельзя вызвать. Стало бытъ, механизъмъ душевныхъ волненій кроется въ дѣятельности большихъ полушарій головного мозга.

Весьма вѣроятно, что гипнотическія воздѣйствія на сосудодвигательную и отдѣлительную иннерваціи могутъ быть выяснены съ той же точки зрѣнія, при чемъ по схемѣ психорефлекса роль центростремительнаго возбудителя должны играть внушенная идея или представленіе о такой-то части тѣла или объ извѣстномъ симптомѣ. Одновременное прикосновеніе къ извѣстной части тѣла (тактильныя ощущенія) значительно повышаютъ психорефлекторную реакцію. Въ виду вышесказаннаго приходится признать, что формула: „все въ гипнозѣ сводится къ внушенію“ не можетъ быть признана вѣрною. Мы можемъ встрѣтить аномаліи въ нервно-мускульной системѣ, которыя разъясняются чисто физиологическимъ путемъ, а не психологическимъ, если пока принять вмѣстѣ съ другими, что внушеніе есть чисто психическое воздѣйствіе.

И такъ изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что гипнозъ человѣка есть явленіе чрезвычайно сложное; онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе самостоятельныхъ слагаемыхъ, комбинаціи которыхъ весьма разнообразны и прежде всего зависятъ отъ внѣшняго внушенія. Явленія могутъ быть сосредоточены то въ области чувства, то воображенія; все вліяніе гипноза можно направить на тѣлесные процессы или, напротивъ, поляризовать лишь настроенія, мысли, склонности и т. п. Благодаря чрезвычайной податливости—своего рода *flexibilitas psychica*—устанавливается автоматизмъ, характеризующій низшія формы душевной дѣятельности. Вся психика гипнотизированнаго оказывается упрощенною, болѣе элементарною, чѣмъ при нормальномъ состояніи; ни формы мышленія, ни глубина мысли, ни обобщающая сила ея во время гипноза не могутъ возвыситься до нормальнаго своего уровня, не смотря ни на какія внушенія; сложные побужденія, идеальныя стремленія, моральныя или эстетическія порывы—все это низводится до простаго послушанія или подражанія внѣшнему внушенію. Вообще всѣ формы душевныхъ движеній—сочетанія представленій, воздѣйствіе ихъ на чувства, а отсюда и на тѣло, формы умозаключеній, настроенія—все это въ гипнозѣ проявляется проще, яснѣе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, когда преобладающее вліяніе мышленія и воли, какъ основныхъ факторовъ личнаго „Я“ слишкомъ усложняетъ ходъ психической жизни. Ослабленіе послѣднихъ упрощаетъ душевныя проявленія и низводитъ ихъ на низшую ступень, которая болѣе характерна для животныхъ, чѣмъ для человѣка, для полнаго проявленія его душевныхъ силъ. Стало-быть, искусственная редукція психики въ гипнозѣ представляетъ собою атавистическій возвратъ къ примитивному или, такъ сказать, къ рудиментарному состоянію души, каковою она наблюдается такъ или иначе у дѣтей, дикарей, слабоумныхъ, идіотовъ, отчасти у животныхъ.

Гипнозъ временно угнетаетъ дѣятельность воли и самостоятельнаго мышленія; онъ прекращаетъ ихъ функціональную работу и тѣмъ вызы-

васть извращеніе или вѣрнѣе искаженіе всего душевнаго облика; почти всѣ психическіе акты совершаются теперь по простой схемѣ *отраженнаго дѣйствія*, которой всецѣло соотвѣтствуютъ явленія подражанія, послушанія, автоматическія движенія и т. д. Этотъ рефлекторный роковой характеръ явленій и есть основной отличительный признакъ для низшихъ ступеней душевной дѣятельности. Преобладающее значеніе чувственныхъ побужденій въ нихъ ставитъ субъекта въ большую зависимость отъ внѣшняго міра, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда личная воля и мышленіе вступаютъ въ борьбу съ внѣшними воздѣйствіями и вырабатываютъ личные мотивы дѣйствій. Гипнотикъ есть автоматъ, всѣ дѣйствія котораго, душевные и тѣлесныя, находятся въ роковой зависимости отъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Въ вышеприведенной характеристикѣ гипноза мы находимъ нѣкоторыя черты, принадлежащія и обыкновенному сну. Въ обоихъ случаяхъ воля и сознательное мышленіе угнетены, наступаетъ разстройство нормальной координаціи представленій, рефлекторная возбудимость можетъ быть повышенной, является воспримчивость къ внушеніямъ. Дѣйствительно, гипнозъ и сонъ взаимно обращаемы: спящаго можно безъ пробужденія перевести въ гипнозъ, вызвать сомнамбулическое состояніе и дѣлать внушенія; еще легче перевести гипнозъ безъ перерыва въ сонъ путемъ внушенія.

Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію основнаго вопроса, который мы оставили пока въ сторонѣ. Если въ существенномъ *психодинамизмъ* гипноза сводится къ параличу воли и самостоятельнаго мышленія, то спрашивается, что *послужило причиной такого состоянія*?

Очевидно, что она кроется въ самомъ способѣ гипнотизаціи. Средоченія мысли и вниманія недостаточно для полнаго объясненія. Если мы съ психологической точки зрѣнія внимательно присмотримся ко всѣмъ способамъ гипнотизаціи — будутъ ли это пассы или фиксированіе взгляда, или внушеніе — вездѣ мы увидимъ основной общій имъ всѣмъ элементъ — *принужденіе*! Субъекта заставляютъ сидѣть смирно, *запрещаютъ* думать или вообще заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ; онъ *долженъ* пристально смотрѣть въ одну точку, не смотря на всю непріятность такого положенія; его *вынуждаютъ* сохранять полный покой и въ физическомъ, и въ психическомъ отношеніи. Гипнотизеръ говоритъ ему не иначе, какъ авторитетнымъ, самоувѣреннымъ тономъ, не допускающимъ никакого возраженія. Всякое сопротивленіе или противодѣйствіе тотчасъ подавляется извнѣ.

Особенно важное условіе, дѣйствующее въ томъ-же смыслѣ на психику, есть *вынужденный мускульный покой*. Субъектъ не долженъ ни самъ двигаться, ни измѣнять направленія зрительныхъ осей, т. е. не ворочать глазами. Если принять въ соображеніе, что свобода мышле-

чныхъ движеній тѣла, головы и глазъ, служить внѣшнимъ выраженіемъ свободы воли и самостоятельности нашихъ побужденій, что свободный переходъ возникающихъ образовъ движенія въ двигательные импульсы служить гарантіей для произвольнаго цѣлесообразнаго взаимодействія съ внѣшнимъ міромъ; если наконецъ имѣть въ виду вообще огромное стимулирующее вліяніе сознательныхъ мышечныхъ движеній на напряженіе сознательной психики, на развитіе ея, на дифференцировку ея содержимаго, то станетъ понятнымъ, почему при обратномъ условіи — при вынужденномъ или условленномъ мышечномъ покоѣ — инстинктивно путемъ бессознательной ассоціаціи можетъ появиться и противоположное чувство подавленности и принужденія. Каждое произвольно-двигательное стремленіе подавляется тотчасъ господствующею идеей подчиненія, функциональная дѣятельность воли прекращается и не только по отношенію къ движенію мускуловъ, но — какъ сказано — и къ ходу представленій; произволъ исчезаетъ по отношенію къ обоимъ явленіямъ. Поэтому-то субъективные импульсы такъ легко могутъ теперь быть замѣщены внѣшними чрезъ посредство чувственныхъ воспріятій.

Всѣ манипуляціи направлены къ тому, чтобы, съ самаго начала, даже еще при полномъ сознаніи субъекта, вызвать въ немъ чувство подчиненности или постороннему лицу — гипнотизеру, или, вообще, требованіямъ опыта, т. е. подчиненіе доминирующей идеи, каковою можетъ явиться, напримѣръ, ожиданіе или стремленіе впасть въ гипнозъ. Такая сосредоточенность на представленіи ожидаемаго гипноза, или, вообще, чего-то особеннаго, необыкновеннаго, не можетъ не вызывать чувства насилія или подавленности, смѣшаннаго съ инстинктивнымъ страхомъ. Въ однихъ случаяхъ такое чувство является еще сознательнымъ, въ другихъ-же оно неясно, безотчетно. Сосредоточенность и неподвижность мысли и вниманія устраняютъ возможность *сознательнаго критическаго* отношенія къ происходящему. Въдъ наше сознаніе и здравый смыслъ только до тѣхъ поръ и могутъ быть правильнымъ регуляторомъ нашей жизни, правильнымъ контролемъ нашихъ дѣйствій, пока мы можемъ еще соизмѣрять элементы нашего внутренняго міра съ окружающимъ насъ внѣшнимъ, пока мы и въ томъ, и въ другомъ можемъ еще искать и находить правильные критеріи для такого соизмѣренія. Вотъ въ этомъ то случаѣ наша воля и является выразителемъ самосознанія, свободы мысли.

Такъ какъ у гипнотизируемаго эти условія уже отсутствуютъ, то становится понятнымъ, почему чувство *подчиненности или насилія*, сознательное или даже бессознательное, начинаетъ угнетать вообще душевное настроеніе или обезличивать его.

Исполненіе уже первыхъ требованій гипнотизера, — безпрекословное и автоматическое, дѣйствуетъ какъ *самовнушеніе*; оно поддерживаетъ

подавленное состояніе воли и мысли, которое вызвано съ перваго момента гипнотизаціи, такъ сказать, по уговору, по соглашенію или же даже путемъ утрашенія.

По всей вѣроятности, рядомъ съ этимъ въ *безсознательной* сферѣ инстинктивно возникаютъ представленія внѣшняго насилія, сопровождаемыя чувствомъ ожиданія чего-то страшнаго, непріятнаго. Душевная сфера представляетъ собою теперь нѣчто въ родѣ *tabula rasa*, открытой и вполне уже доступной для внушенія извнѣ. Это отражается даже внѣшнимъ образомъ: лицо, вся фигура гипнотика обыкновенно выражаютъ полное спокойствіе и безстрастность, пока ни будетъ сдѣлано внушеніе. Этотъ душевный покой есть настоящее отдохновеніе, которому слѣдуетъ приписать важное цѣлебное значеніе.

Такимъ образомъ въ гипнозѣ человека мы встрѣчаемъ несомнѣнные признаки *психического атавизма*, т. е. симптомы, гомологичные основнымъ элементамъ *гипнотизма животныхъ*. Насколько у послѣднихъ это состояніе вызывается *физическимъ* насиліемъ, тѣлеснымъ внушеніемъ, настолько же у человека эту роль играетъ *психическое принужденіе*. Гипнотизируемое животное получаетъ чувство внѣшняго непреодолимаго насилія путемъ *кожныхъ* ощущеній, т. е. *грубыхъ чувственныхъ* воспріятій, тогда какъ у человека эти послѣднія замѣщаются *высшими психическими* актами, насильственной сосредоточенностью вниманія и мысли, устраненіемъ противодѣйствія и т. д. Угнетеніе *произвольныхъ* движеній у гипнотизированныхъ животныхъ вполне соответствуетъ такому-же состоянію и у человека. Насколько у животныхъ истощается геср. утомляется мускульное противодѣйствіе внѣшнему физическому насилію при гипнотизаціи, настолько-же у человека гомологично ослабѣваетъ психическое противодѣйствіе въ видѣ сознательной критической мысли и волевыхъ стремленій. Въ случаѣ-же привыканія къ гипнозу оба рода противодѣйствія значительно сокращаются, и реакція наступаетъ быстро. Аффектамъ, экзальтаціи воображенія и чувства у гипнотика-человека мы нашли полную гомологію въ припадкѣ удушья у гипнотизированной лягушки, который представляетъ собою картину кошмара.

Главнымъ возраженіемъ противъ нашей *унитарной гипотезы гипнотизма* можно было бы привести то соображеніе, что животнымъ *нельзя* дѣлать внушеній. Но и здѣсь сравнительно-физиологическая точка зрѣнія даетъ намъ ключъ къ правильному разумнѣю соотношеній. *Внушеніе вовсе не есть только словесное приказаніе*. Каждое воздѣйствіе извнѣ, психическое или физическое, могущее оказать вліяніе на дѣятельность нервныхъ центровъ, участвующихъ въ явленіяхъ гипнотизма, и есть внушеніе. Оно прежде всего дѣйствуетъ на *чувственную* сферу организма, а потому внушеніе мы въ правѣ разсматривать, съ общей точки зрѣнія,

какъ необычное *чувственное воспріятіе*, влекущее за собою соотвѣтственное представленіе и настроеніе.

Внушеніе можетъ быть сдѣлано или жестомъ, или мимикой, прикосновеніемъ, словомъ, путемъ зрѣнія или слуха и т. п. Если у гипнотика, наприм., вытянуть руку и предоставить ее себѣ, то она можетъ такъ и остаться вытянутой; но это еще одно не доказываетъ существованія каталепсиса, ибо само вытягиваніе служитъ внушеніемъ удерживать руку въ этомъ положеніи. Еще болѣе интересны внушенія, производимыя безмолвно одною лишь насильственной позой (*Бредъ*): если гипнотика поставить на колѣни, скрестить ему руки на груди и приподнять голову къ небу или, наприм., опустить, то этимъ самымъ мы вызовемъ молитвенное настроеніе, что и выразится имъ словесно и дѣйствіями; если наоборотъ поставить его въ позицію борющагося, нападающаго съ приподнятыми кулаками, то настроеніе, выраженіе лица сразу измѣняется соотвѣтственнымъ образомъ и т. п. Стало бытъ чувственные импульсы изъ кожи, мускуловъ, суставовъ, приходя въ большой мозгъ, путемъ роковой инстинктивной ассоціаціи возбуждаютъ тѣ самыя чувства, представленія и настроенія, которыя обыкновенно физиологически сопряжены съ означенными выразительными движеніями. Это тѣмъ легче достигается, чѣмъ слабѣе критика и противодѣйствіе со стороны личнаго „Я“, чѣмъ болѣе угнетены сознаніе и воля. Въ виду этого становится до извѣстной степени понятнымъ, почему внѣшнимъ проявленіемъ нашихъ чувствъ и настроеній во многихъ случаяхъ мы усиливаемъ напряженіе ихъ самихъ, въ особенности если сознательная самокритика въ этотъ моментъ ослаблена. Да и многія другія эмоціональныя явленія нашей обыденной жизни могутъ быть разъяснены съ той же точки зрѣнія—отраженнаго вліянія внѣшнихъ выраженій чувства.

Нельзя сомнѣваться, что пассы магнетизеровъ представляютъ собою такое же внушеніе *осязаніемъ*, какъ и непосредственное удержаніе руками гипнотизируемаго животнаго. Здѣсь важную основную роль играетъ не физическая сила, но психическая реакція. Пассы даже и у дѣтей вызываютъ аналогичное, *безсознательное*, инстинктивное чувство принужденія, которое, ослабляя волевое напряженіе, успокаиваетъ и чувственную сферу. Какъ словесное внушеніе у гипнотизированнаго человѣка, такъ и грубо тѣлесное у животныхъ представляются въ сущности одинаковымъ актомъ *внѣшняю насилія надъ самосостоятельностью мысли, воли и чувства субъекта*. Съ психологической точки зрѣнія всѣ способы внушеній гомологичны между собою.

Итакъ, каковъ же *общій выводъ* нашихъ теоретическихъ разсужденій?

Гипнозъ человѣка есть прежде всего временное, искусственно вызванное *угнетеніе воли*. По своему основному психодинамизму оно является состояніемъ весьма близкимъ съ одной стороны къ естественному сом-

намбулизму, а съ другой ступору или шоку, вызываемому аффектомъ страха, ужаса, испуга. Потеря личнаго произвола, а отсюда автоматизмъ и подчиненіе внушенію извнѣ или безсознательнымъ побужденіямъ (у лунатика), при этомъ же помраченіе сознанія и потеря памяти въ большей или меньшей степени—все это сближаетъ между собою вышеназванные состоянія. Типическая форма гипноза является лишь при внѣшнемъ воздѣйствіи—внушеніи. Аутогипнозъ, напримѣръ, вызванный фиксированіемъ взгляда, есть прежде всего результатъ самовнушенія, т. е. насильственного преобладанія одной идеи надъ всею психическою сферой даннаго момента. Для успѣшности такого вліянія моноидеизма и необходимо ослабленіе напряженія всей мыслительной и волевой сферы, что и достигается усталостью вслѣдствіе концентрации вниманія. Стало быть, и здѣсь мы усматриваемъ элементъ субъективнаго принужденія. Гипнотизмъ состоитъ въ полномъ угнетеніи *личнаго „Я“*, а потому дѣлаетъ и душу, и тѣло субъекта доступными внѣшнимъ вліяніямъ. Въ основѣ этого состоянія лежитъ сознаваемое или безсознательное инстинктивное чувство насилія или принужденія, какъ *атавистическая форма гипноза отъ страха у животныхъ*. Каковъ фізіологическій механизмъ гипноза? каковы измѣненія, происходящія при этомъ въ корковыхъ центрахъ?—этихъ вопросовъ мы здѣсь касаться не будемъ. Наша цѣль заключается лишь въ выясненіи общей сравнительно-психологической точки зрѣнія, которая должна послужить исходною точкой для психо-фізіологіи гипнотизма.

Гипнотизмъ всего лучше иллюстрируетъ *несовмѣстимость чувства принужденія и насилія съ одной стороны и самостоятельности воли и мышленія съ другой*. Этотъ антагонизмъ, какъ извѣстно, проявляется весьма рельефно не только въ гипнозѣ, но и въ сознательной жизни человека. Всякое порабощеніе *произвольныхъ дѣйствій* неминуемо влечетъ за собою ослабленіе самостоятельнаго мышленія. Ограниченіе личнаго произвола въ сферѣ движеній или насильственное направленіе ихъ извнѣ роковымъ образомъ сопряжено съ подобною же поляризацией и угнетеніемъ и въ сферѣ мысли. Для фізіолога, а въ особенности для педагога и криминалиста гипнозъ въ высокой степени важенъ, именно потому, что внушенные чувства или идеи *долгое время* сохраняютъ свою силу и въ теченіе послѣдующей сознательной жизни. Чѣмъ болѣе они гармонируютъ съ общимъ складомъ умственной жизни субъекта, тѣмъ легче они усваются. Гипнотизмъ едва ли въ состояніи исправить какіе либо такъ называемые *врожденные* душевные недостатки, но онъ съ успѣхомъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнить обыкновенныя увѣщеванія или приказанія и именно потому, что въ гипнозѣ *тѣ же самыя внушенія дѣйствуютъ несравненно сильнѣе вслѣдствіе отсутствія психическаго противодѣйствія и упорнаго произвольнаго со-*

противленія. Во время гипноза душевная сфера вполне доступна внѣшнимъ вліяніямъ вслѣдствіе угнетенія самопроизвола въ сферахъ и мысли, и дѣйствій. Въ такомъ состояніи гипнотическимъ внушеніемъ можно, такъ сказать, импрегнировать, запечатлѣть извѣстный порядокъ мышленія въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ разстройство *координаціи* представленій или „безпорядокъ мыслей“. Вмеѣстѣ съ тѣмъ становится возможнымъ и нравственное исправленіе.

Но съ этой стороны при практическомъ примѣненіи гипнотизма мы встрѣчаемся съ вопросомъ: насколько мы въ правѣ поработать *свободную волю человека*? Насколько цѣлесообразно воздѣйствовать на душу человека помимо его сознанія? Само собою понятно, что умственные и нравственные вліянія и для педагога, и для практика-криминалиста тѣмъ болѣе драгоценны, чѣмъ убѣжденіе и сознательнѣе они воспринимаются субъектомъ. Но для врача въ большинствѣ случаевъ гипнотизмъ можетъ оказаться драгоценнымъ орудіемъ именно потому, что онъ, вполне устраняя волю больного, тѣмъ самымъ предоставляет и душу, и тѣло его въ полное распоряженіе врачующему. Это въ особенности важно для больныхъ, нервныхъ, упорныхъ, капризныхъ, которые *bona aut mala fide* оказываютъ сопротивленіе врачу. Наконецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда личная, сознательная воля оказывается недостаточной для какого либо дѣйствія или мѣропріятія, тогда внушеніе гипнотизера до извѣстной степени можетъ восполнить этотъ недостатокъ, поляризуя волевые стремленія въ извѣстномъ направленіи и тѣмъ усиливая ихъ напряженіе.

Но нужно помнить лишь одно: примѣненіе гипнотизма дозволяется лишь въ томъ случаѣ, если оно производится съ полнымъ знаніемъ дѣла, если вполне устранена возможность побочныхъ вредныхъ послѣдствій. Не нужно кромѣ того забывать, что *воля*, разъ поработанная и подавленная, надолго сохраняетъ повышенную уязвимость, своего рода *vulnerabilitas*; а такое обезличеніе есть посягательство на личное достоинство человека.

Такимъ образомъ мы подошли къ вопросу объ этическомъ значеніи гипнотизма. Этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе не только съ чисто теоретической точки зрѣнія: на сколько мы въ правѣ распоряжаться въ душевной сферѣ человека, устранивъ ея стражей—сознаніе и волю? Что даетъ намъ право пользоваться безвоіемъ для поработанія личности? Этика гипнотизма представляетъ не менѣе важную практическую сторону. Дѣло въ томъ, что весьма часто во время гипноза воспоминанія о прошлыхъ событіяхъ сознательной жизни пробуждаются подъ вліяніемъ внушенія даже съ большею яркостью, чѣмъ „на яву“. Причина этому та, что теперь произвольное припоминаніе, т. е. сознательно вызываемая цѣль представленій отсутствуетъ и этимъ не мѣшаетъ пробужденію слѣдовъ пережитаго, переходу ихъ изъ скрытаго въ явное

„кинетическое“ состояніе безъ всякаго искаженія. Такимъ образомъ гипнотикъ вслѣдствіе паралича воли можетъ пересказать свои секреты. Интересно, что въ этотъ моментъ иногда приходится замѣчать явные признаки внутренней борьбы, сопротивленія еще не вполне помраченнаго сознанія; критическая мысль еще стоитъ на стражѣ, она предостерегаетъ субъекта отъ опасности,—но безволіе превращаетъ его въ послушнаго автомата. Эти факты вполне убѣдительно доказываютъ, что въ основѣ гипноза лежитъ чувство подавленности, непреодолимаго насилія.

Этика гипнотизма вовсе не относится только къ субъективной сторонѣ дѣла и именно къ безсознательной сферѣ жизни. Достаточно припомнить, что между гипнотическимъ внушеніемъ и внушеніемъ на яву при бодрственномъ состояніи нѣтъ существеннаго различія; въ обоихъ случаяхъ оно есть *приказаніе*, не терпящее или исключющее противорѣчіе; и тутъ, и тамъ оно вызываетъ чувство принужденія. Последнее можетъ быть сознательнымъ или же безсознательнымъ, инстинктивнымъ. Если съ болѣе широкой точки зрѣнія явленія гипнотизма мы въ правѣ разсматривать вообще какъ слѣдствія внѣшняго насилія, принужденія или угнетенія, то, понятно, вопросъ этотъ мы можемъ подвергнуть тому же психофизиологическому анализу и по отношенію къ сознательной жизни человека. Здѣсь, какъ и тамъ, мы приходимъ къ тому же заключенію: внѣшнее принужденіе можетъ дѣйствовать физиологически угнетающимъ образомъ на самостоятельность мышленія и произвольныхъ стремленій. Внутренній міръ личнаго „Я“, личные убѣжденія и самосознаніе человека или вполне подавляются, или же они односторонне настраиваются, *поляризуются* пассивно, въ направленіи, опредѣляемомъ внѣшнимъ воздействиемъ.

Такое душевное состояніе исключаетъ сознательное самобытное развитіе не только чисто умственное, но и нравственное. Личное совершенствованіе въ нравственной сферѣ неминуемо требуетъ извѣстной работы мысли, безъ участія которой никакія нравственныя убѣжденія или правила не могутъ быть сознательно усвоены или выработаны. Стало быть, внушенія только тогда могутъ способствовать умственному и нравственному развитію, если они не вызываютъ чувства принужденія, т. е. если эти внушенія не дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на волю и мышленіе. Эти соображенія даютъ правильную психофизиологическую точку зрѣнія для сужденія о такихъ этическихъ принципахъ, какъ „непротивленіе злу“. Но понятно, съ одной лишь этой точки зрѣнія нельзя охватить всего этого вопроса; есть еще субъективный критерій самосознанія, которому мы такъ привыкли подчиняться въ жизни.

Мнѣ нѣтъ надобности разъяснять Вамъ, Мм. Гг., широкое значеніе затронутыхъ вопросовъ, напр., для воспитанія; оно понятно само собою. Изученіе ихъ съ чисто медицинской точки зрѣнія является настоятель-

ною необходимостью, потому что врачъ есть такой же необходимый совѣтникъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ и самъ педагогъ. Строгій безпристрастный анализъ науки проникъ уже и въ эту область взаимодѣйствія между внутреннимъ міромъ человѣка и вѣшнимъ, его окружающимъ. Изученіе гипнотизма, какъ „психической вивисекціи“ (по удачному выраженію *Бони*), указало путь правильного научнаго анализа. Будемъ же надѣяться, что результаты научныхъ изслѣдованій въ этой области послужатъ не только къ выясненію условій, но и къ самому достиженію блага и счастья человѣчества!

Примѣчаніе. Изложенныя здѣсь основы теоріи гипнотизма, относящей его явленія къ схемѣ задерживательныхъ процессовъ, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и путь для дальнѣйшаго психофизиологическаго его анализа. Такое изученіе должно идти экспериментальнымъ путемъ надъ животными въ связи съ физиологіей головного мозга. Этотъ вопросъ будетъ разобранъ въ слѣдующей статьѣ о животномъ гипнотизмѣ.

Отдѣльные оттиски изъ Физиологическаго Сборника. Т. II.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре.

